

Рудольф Константинович Баландин
Сергей Сергеевич Миронов
Тайны смутных эпох
Серия «Тайны Земли Русской»

MCat78

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154165

Тайны смутных эпох: Вече; Москва; 2003

ISBN 5-9533-0058-1

Аннотация

В новой книге Р.Баландина и С.Миронова проводится анализ важнейших в отечественной истории социально-политических и идейных кризисов. Бунты, гражданские войны, перевороты, или, иначе, «смуты» сотрясали основы государственности, экономики и морали Руси – России – СССР. Отсчет ведется с феодальной войны первой половины XV в., а особенно с Великой Смуты начала XVII в., и заканчивается «катастрофой» 80-90-х гг. XX в. Даже беглый взгляд на тысячелетнюю историю нашей Родины с более пристальным всматриванием в смутные эпохи приводит к неутешительным выводам. Конечно, без катастроф жизнь государств не обходится. Но беда в том, что происходит и поныне, т.е. в упорном нежелании правителей понимать и учитывать государственные интересы и в пассивности народа. В свое время Н.А.Бердяев подчеркнул:

«Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, “скромного” пути для России нет». Не хочется думать, что выбор уже сделан...

Содержание

Введение	5
Глава 1	11
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ	11
МЕЖДОУСОБИЦА	22
ВАСИЛИЙ, СТАВШИЙ ТЕМНЫМ	32
ИЗ СМУТЫ – С ЧЕСТЬЮ	50
ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА МОСКВА?	56
Глава 2	65
МЕЛКИЕ СОБЫТИЯ – КРУПНЫЕ	65
ПОСЛЕДСТВИЯ	
ДЕТСТВО ИВАНА ГРОЗНОГО	73
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ	88
УМОНАСТРОЕНИЯ	99
ВЛАСТЬ ОЛИГАРХОВ	115
СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОЙ	129
ПИРАМИДЫ	
ЗЕМЛЯ, ВОЛЯ, ТЕРРОР	142
Глава 3	166
ВРЕМЯ КРИЗИСОВ	166
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Рудольф Баландин, Сергей Миронов Тайны смутных эпох

Введение ОБЩЕСТВО НА РАСПУТЬЕ

В истории каждого государства или народа бывают периоды подъема и спада, побед и поражений. Бывают времена трудные и трагические, а бывают позорные. А что подразумевается под смутным временем?

Слово «смута» в словаре Владимира Даля толкуется как «...тревога, переполох; возмущенье, восстанье, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью; замешательства, непорядок, расстройство дел... Смутное время, мятежное, во время народных смут».

Со всеми этими определениями можно согласиться. Нетрудно заметить негативный оттенок приведенной характеристики. Почему-то упоминается мятеж, но не сказано о революции.

Энциклопедический словарь, изданный в 1955 году, пояснял, что смутное время – «распространенное в дорево-

люционной дворянско-буржуазной исторической литературе неправильное название периода крестьянской войны под руководством Болотникова и борьбы русского народа против польской и шведской интервенции начала XVII в.».

В Большом энциклопедическом словаре 1998 года формулировка иная: «Термин, обозначающий события конца XVI – начала XVII вв. в России. Эпоха кризиса государственности в России, трактуемая рядом историков как гражданская война. Сопровождалась народными выступлениями и мятежами; правлениями самозванцев... польской и шведской интервенциями, разрушением государственной власти и разорением страны. Термин введен русскими писателями XVII в.».

И в том, и другом толковании есть сходство: речь идет всего лишь об одном периоде в истории Руси-России. Словно ни у нас, ни в других странах не бывало ни до, ни после смутных времен.

Единичное историческое событие, конечно, может кого-то заинтересовать всерьез, но вряд ли заслуживает обстоятельного исследования. В определенном смысле любое историческое событие, подобно случайностям в нашей жизни, единственное и неповторимое. История – не механический процесс.

И все-таки вызывает серьезные сомнения мысль о том, что период смуты, кризиса государственности, мятежей случился единственный раз в многовековой истории крупного

государства. Да и разве не происходило ничего подобного в других странах?

Разве крушение Российской империи и Гражданскую войну 1917-1921 годов нельзя отнести к периоду смуты? А последнее десятилетие XX века, когда распалась великая сверхдержава СССР и Россия пришла в упадок без явных внешних ударов, без поражения в кровопролитной войне? Разве это не похоже на уникальное, но все-таки смутное время? И смута эта в умах и сердцах людей, для многих из которых так ничего и не прояснилось.

Даже если исключить события XX века, в толковании которых многие историки и философы вертятся, как флюгеры, есть все основания полагать, что смутные периоды, пусть не всегда яркие и бесспорные, бывали не единожды.

Как ни странно, но долгий период истории – ордынское иго (1240-1480 годы) – вряд ли можно считать смутным. Тогда на Руси сохранялось относительное спокойствие, устойчивое состояние замедленного развития. Это было время темное, но не смутное. Народ попал под двойное иго: местных и ордынских властей. Возмущения бывали и тогда, но они быстро подавлялись.

Смута – слово очень ёмкое. Сделать мутной можно воду, подняв осевшую муть. Другой вариант относится к чувствам, совести (человека можно смутить или он сам будет смущен). Наконец, и разум может замутиться, потерять ясное восприятие окружающего. Так бывает с отдельными

людьми, но также и с массами людей, толпой, с общественным сознанием.

Смутное время, чем бы оно ни было вызвано, предполагает особое духовное состояние значительной части общества: более агрессивное, пренебрегающее традиционными нормами, бросающее вызов реальности в стремлении ее изменить.

Само это понятие подразумевает нечто неясное, неопределенное. Тайны могут быть связаны с разными фазами смутных периодов: зарождением, ходом, окончанием, последствиями. Но, пожалуй, самое загадочное и спорное – их причины.

Вообще-то поиски причин любого крупного, а тем более определяющего исторического события уводят сколь угодно далеко в глубь времен, вплоть до первобытных. Исторический процесс непрерывен и очень сложно организован. Он обусловлен взаимодействием множества факторов и связывает воедино множество человеческих судеб. В это время возникают стихийные общественные движения и появляются отдельные личности, которые непредсказуемо, совершенно неожиданно становятся вершителями исторических событий. Можно сказать, они выходят из толпы статистов на авансцену и начинают – пусть не долго – играть главные роли.

Конкретная личность становится исторической, получает возможность влиять на события в той мере, в которой история на данном этапе выдвигает на первый план именно ее.

Период смуты отмечен всякими неожиданностями, хаотичностью и неопределенностью бытия. В резкой формулировке: порядок сменяется хаосом (не в абсолютных, конечно, а в относительных проявлениях).

Такие периоды можно назвать критическими и переходными. И даже если переход в новое состояние не осуществился, он был возможен или, по крайней мере, не исключался.

Периоды кризисов бывают разными по своей сути и последствиям. Без малого сто лет назад А.А. Богданов выделил два типа кризисов сложных систем: *конъюнктивные* (созидательные, соединительные) и *дисъюнктивные* (разрушительные, разъединительные). Назовем их кризисами роста или упадка.

Иначе говоря, смутное время может стать прелюдией к переходу общества на более высокий социально-политический, экономический, культурный уровень. Но иные смуты свидетельствуют о деградации, падении на более низкий уровень.

Впрочем, пора перейти от общих рассуждений непосредственно к теме данной книги. Но прежде оговоримся: это не научно-популярное сочинение и не трактат на историческую тему. Эту работу следует отнести к жанру историко-публицистическому. Не претендуя на полное и последовательное изложение исторических событий и документов, авторы постоянно имеют в виду не только далекое прошлое нашей Ро-

дины, но и современность, а отчасти и будущее.

Поэтому рассказы о далеком прошлом будут перемежаться с анализом событий, произошедших сравнительно недавно. Если не использовать вовсе исторический опыт, то он останется лишь материалом для разного рода исторических романов или утешением архивариусов.

Авторы вовсе не считают свои рассуждения единственно верными, а выводы бесспорными. Но они честны в своем стремлении приблизиться к истине, какой бы она ни была, пусть даже неприятной и страшной. Хотя, признаться, трудно, почти невозможно, да и вряд ли следует полностью сохранять бесстрастность, равнодушную объективность, когда речь идет о судьбе своего народа, своей культуры, своей Родины, да и о себе самих и своих потомках. Главное – не крикнуть душой.

Глава 1

ФЕОДАЛЬНАЯ СМУТА

*Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.*
Сергей Есенин

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

До великой смуты XVII века была, как нам представляется, другая – феодальная. Она во многом определялась подчиненным положением страны, находившейся под ордынским игом. Завоеватели, естественно, препятствовали объединению феодалов.

Со временем внутренние противоречия стали ослабевать и разваливать Орду. Но все-таки она оставалась мощной силой, способной нарушить мирное существование русских княжеств. Так, сын Дмитрия Донского великий князь Василий, продемонстрировав свою независимость от Орды, заплатил за это. Татарский князь Едигей в 1408 году внезапно напал на Московское княжество.

Василий Дмитриевич вынужден был бежать в Кострому.

Ордынцы разграбили много городов и сел, но закрепить свою победу, взяв Кремль, так и не смогли. Через три года Василию пришлось смиренно ехать в Орду и просить хана Джелаледдина утвердить за ним московское княжение. Василий выплатил хану немалый выкуп и щедро одарил его вельмож.

Русь, находясь между Востоком и Западом, оказалась в невыгодном положении. Тем более что на Западе обрело силу агрессивное Литовское княжество, формально подчиненное польскому королю. Литовский князь Витовт расширил пределы своих владений, захватив смоленские земли (этому способствовало то, что местный князь Юрий своими злодействами восстановил горожан против себя).

Витовт попытался овладеть Псковом и Новгородом. Но этому воспрепятствовал великий князь Василий. Его женой была дочь Витовта София, но когда речь зашла о богатых новгородских владениях, родственные связи отошли на задний план. Василий Дмитриевич пошел войной против тестя и отстоял свои владения, установив границу с Литвой по реке Угре.

Однако как бы ни было сильно Московское княжество, великими князьями именовались еще несколько местных государей, например, Тверской и Рязанский. Кроме того, было много подчиненных им князей, которые порой тяготились своим зависимым положением и были не прочь обрести самостоятельность или сменить покровителя на более выгод-

ного.



Василий I и Софья Витовтовна. Худ. шитье XV в.

В 1425 году великий князь московский Василий скон-

чался и власть перешла к его малолетнему сыну, тоже Василию, так что реальной правительницей стала София. Великие князья рязанский и тверской, а также князь Пронский, видя ослабление Московского княжества, перешли под власть Витовта. Последний считал, что под его опеку попала и дочь София, и ее сын, будущий Василий II.

Создалась ситуация, при которой обширные русские земли могли реально попасть под власть Литвы. Для этого Витовту не доставало только полной независимости, обрести которую он мог бы, став королем. Но этому воспрепятствовала Польша и римский папа. Усиление Литвы не входило в их планы. Тем более что Витовт проводил продуманную политику, приобретая поддержку некоторых ханов Золотой Орды. В 1421 году чешская делегация предложила ему корону Богемии. Объединенное Богемско-русско-литовское королевство могло стать крупнейшим государством Европы. Если бы это произошло, Россия вряд ли когда-нибудь смогла стать великой державой.

Если представить себе, что под эгидой Литвы началось бы формирование центрально-европейского государства, то ордынские ханы были бы заинтересованы в установлении своей власти над некоторыми другими русскими княжествами. Что стало бы с Северной и Северо-Западной Русью? Если бы здесь не удалось сохранить самостоятельность (что было бы чрезвычайно трудно), то на эти земли, кроме Литвы, претендовали Ливонский орден и Швеция. Поэтому эти земли вряд

ли могли оставаться независимыми.

Взглянув на карту Восточной Европы середины XV века, нетрудно убедиться в том, насколько сложным и даже критическим было положение Великого княжества Московского. На востоке и юге – ханства Казанское, Астраханское, Крымское; на западе – Великое княжество Литовское; на севере – Новгородские земли. Сжатое со всех сторон, разделенное внутри на более или менее обособленные княжества, Московское государство рисковало потерять независимость. Тем более что граница с могущественной Литвой находилась недалеко от Москвы, чуть западнее Можайска.

Ситуацию усугубило завещание Василия I, согласно которому право на княжение передавалось его сыну (ему было 10 лет). Опекунами маленького князя и его матери были назначены Витовт, а также родные и троюродные братья Василия I, за исключением следующего по старшинству брата Юрия. А ведь именно он имел право на опекунство или даже на великокняжеский трон.

Юрий княжил в Звенигороде и Галиче, был богатым и честолюбивым, старался вести свою независимую политику. Он оспорил законность завещания Василия I. Ведь издавна повелось на Руси оставлять княжеский престол следующему по старшинству брату. Его претензии были отклонены боярами и митрополитом. Но он остался при своем мнении и отправился в Галич собирать войско для похода на Москву.

Как пишет Г.В. Вернадский: «Это было началом длитель-

ного политического кризиса в Московии, фактически первый и единственный случай междоусобной войны между потомками Ивана Калиты.

Кризис был по форме династическим, а по содержанию политическим... Акция Юрия являлась протестом против подчинения всех князей московскому князю; он искал равенства князей. Другими словами, он предпочитал федеративную организацию Руси позднего киевского типа верховенству великого князя московского над всеми другими князьями».

Разобобщение русских княжеств могло не только отодвинуть на долгие сроки объединение их в одно сильное государство, но грозило, как мы уже говорили, исключить вообще такое объединение.

Мир удалось установить благодаря, с одной стороны, увещаниям митрополита Фотия, призывавшего к единству Руси, а с другой – обещаниям Витовта помочь своей дочери и внуку в борьбе с врагом-родственником.

Оставляя под своим покровительством Москву, Витовт в то же время попытался завоевать северные русские земли. Это был верный план: в случае установления своего господства над ними он имел реальную возможность подчинить своему влиянию и Москву.

В 1426 году он напал на Псков, имея на своей стороне вспомогательное татарское войско. Однако попытка захватить город Опочку оказалась безуспешной. Пришлось до-

вольствоваться выкупом в 1450 рублей. На следующий год он выступил против Новгорода, осадив город Остров.

«Гордостью артиллерии Витовта была огромная пушка, — писал Г.В. Вернадский, — отлитая немецким мастером Николасом; она имела имя Галка, и ее тянули сорок лошадей. Первый залп пушки разнес главную башню крепости Остров, но и саму Галку тоже, убив Николаса, а также несколько литовцев, стоявших вокруг. Новгород предложил мир, на который Витовт согласился за выкуп в 10 000 рублей».

Складывается впечатление, что в ту пору многие войны носили, можно сказать, демонстративный характер. Желая подчинить себе те или иные территории, захватчик выступал со своим войском и проводил нечто вроде разведки боем. Если население не оказывало сильного сопротивления, а власти были сговорчивыми, то он устанавливал свое господство. Если же отпор был серьезный, а местные власти готовы были отстаивать свою независимость, захватчик отступал восояси, довольствуясь выкупами. Иметь в своем подчинении недружественно настроенное население с враждебными местными властями было рискованно.

Можно сказать, хищник выбирал себе добычу по зубам, не желая испытывать судьбу. Это не похоже на азарт великих завоевателей, готовых рисковать. Тут стратегия направлена прежде всего на то, чтобы избежать поражения, а при возможности одержать верную победу.

Такая стратегия и умелые политические маневры позво-

лили Витовту установить свой протекторат над Тверским, Рязанским и Пронским княжествами. В 1429 году император Сигизмунд, несмотря на возражения поляков, пообещал прислать Витовту королевскую корону.

Литва получила возможность стать полноправным независимым королевством, раскинувшимся от Балтийского до Черного моря и распространяющим свое влияние на значительную часть Центральной и Восточной Европы. Это должно было свершиться в 1430 году. Но тут в ход событий вмешались враждебные силы, а затем и трагическая случайность.

Предоставим слово Г.В. Вернадскому: «В Вильно начались коронационные празднества. Все русские союзники и вассалы Витовта прибыли лично, включая великого князя Московского Василия II и великих князей тверского, рязанского и пронского. Митрополит Фотий тоже счел подобающим приехать... Тевтонский орден и татары тоже прислали своих представителей. К великому разочарованию Витовта и его гостей, корону не доставили: поляки перехватили посланников императора Сигизмунда. Один за другим смущенные гости начали разъезжаться. Две недели спустя Витовт упал с лошади и умер в результате этого несчастного случая. Ему было тогда восемьдесят лет».

Смерть сильного влиятельного государственного деятеля всегда грозит смутой. И на этот раз она началась в Литве. На собрании литовских и ряда русских князей и бояр преемни-

ком Витовта выбрали его двоюродного брата Свидригайло, который был популярен в Западной Руси. Поляки не согласились с этим выбором и предложили на великокняжеский трон Литвы брата Витовта Сигизмунда.

Начавшаяся междоусобица давала Золотой Орде шанс захватить русско-литовские земли. Но и в Орде не было единства. Она разделилась на три ханства, одно из которых поддерживало Свидригайло, а другие – Сигизмунда. Война между этими двумя претендентами закончилась победой Сигизмунда. В утешение Свидригайло получил удел, но Литва все-таки оказалась ослабленной. Это обстоятельство существенно подорвало авторитет великого Московского князя, юного Василия II. Ведь он лишился своего покровителя, что было на руку его дяде Юрию Дмитриевичу, великому князю галицкому. Тем более что на его стороне был Свидригайло, женатый на дочери Юрия.

Период этой междоусобицы, охвативший почти тридцатилетие (1425-1453 годы), не принято называть смутным временем. Возможно, потому что такое определение закрепилось за более поздним периодом. Но было бы странно считать, будто на Руси всего лишь однажды наступила смута. Нет, конечно же.

Не исключено, что в ходе междоусобной борьбы XV века могли произойти такие события, которые изменили бы весь путь развития Руси.

Если бы не произошло раздробления Золотой Орды, то

русские княжества стали бы по сути восточными вассалами, а если бы продолжала укрепляться Литва – то западными.

Однако благодаря тому, что и Восток и Запад оказались в тот период ослабленными, России открылся третий – евразийский – путь независимого развития.

Конечно, ревнители принципа «история не терпит сослагательного наклонения» могут напрочь отвергнуть какие-либо иные возможности, кроме тех, которые реализовались. Но тогда им придется признать историю подобием окаменелости, которая покоится в осадочном слое.

Когда мы анализируем уже свершившиеся события и знаем, что за ними последовало, тогда и вправду нет никакого смысла толковать о том, что могло бы произойти. Но можно мысленно перенестись в прошедшее, войти в него, как в текущий исторический процесс. И тогда мы будем иметь полное право судить о возможном будущем, словно мы его не знаем.

В этом нетрудно усмотреть сходство с биографией каждого из нас. Вспомните, сколько раз вам приходилось делать выбор, думая о будущем, о последствиях своего решения. Тогда, в момент выбора, перед вами открывалось несколько возможностей, из которых вы избрали одну.

Исторические процессы некоторые верующие считают заранее предопределенными волей высших сил, Всемирного Разума, Бога. Но скорее всего это суеверие. Предопределенность истории видится лишь в ретроспективе. Однако в лю-

бой исторический момент имеется перспектива, причем не как неизбежность, а как вероятность.

Вот об этих вероятностях и можно рассуждать, имея в виду текущую историю – как живую реальность, а не как нечто уже свершившееся. Это позволит нам по достоинству оценивать те или иные исторические события. Ведь порой от выбора зависит: быть или не быть данному государству, данной цивилизации, данному народу.

На наш взгляд, феодальная смута на Руси в XV веке ставила именно такие дилеммы.

МЕЖДОУСОБИЦА

Природные стихийные бедствия обычно стимулируют социальные движения и духовные смуты. Так было и на этот раз. В июле 1425 года распространился на Руси мор, эпидемия черной оспы. Пришел этот мор, как сообщал летописец, «от Немец во Псков, а оттоле в Новгород, тако же доиде и до Москвы и на всю землю Русскую».

Свиристествовал мор и в 1426-м, и в следующем году. Эпидемия сразила почти всех серпуховских удельных князей. Умерли великий князь тверской Иван Михайлович, его сын Александр и внук Юрий. Скончался также ярославский князь Иван Васильевич и еще несколько князей. Количество умерших горожан и крестьян исчислялось многими тысячами.

Подобные эпидемии вообще были характерны для Средневековья. Достаточно вспомнить «черную смерть», опустошившую в XIV веке Западную Европу. Социальная нестабильность, смена жизненного уклада, перенаселенность городов, расширение торгового обмена, миграции населения – самые разные факторы способствовали резкому ухудшению, как мы теперь говорим, экологической обстановки.

В то же время эпидемии и массовые смерти вызывали у людей страх и смятение. Они не могли объяснить, откуда и почему взялась такая напасть, нечем иным, как гневом Бо-

жым за прегрешения, неправедную жизнь. Хотя смерть косила и праведников. Это еще больше усиливало смятение умов.

Настораживает то, что мор пришел «от Немец во Псков».

Дело в том, что этот город вел долгую борьбу с агрессивным германским Ливонским орденом. Псков страдал от «псов-рыцарей» даже больше Новгорода, так как был слабее и находился на самом острие рыцарского наступательного клина. После разгрома под Грюнвальдом в 1410 году славяно-литовским войском, орден переживал трудные времена. Рыцарский натиск на Псковскую республику усилился благодаря ослаблению ее союзника – Великого княжества Московского. Не исключено, что руководители Ливонского ордена содействовали распространению эпидемии на псковские земли.

Как мы уже знаем, ослаблением Москвы попытался воспользоваться великий князь Юрий Галицкий. Благодаря посредничеству митрополита Фотия и авторитету Витовта конфликт был улажен в 1428 году. По заключенному договору дядя отказывался от притязаний на московский трон.

Однако была в договоре двусмысленная фраза: «А жити нам в своей отчине в Москве и в уделах по душевной грамоте... великого князя Дмитрия Ивановича». Но ведь по завещанию Дмитрия Донского наследовать Василию Дмитриевичу должен был, по давней традиции, следующий по старшинству брат. Таким образом, для Юрия Дмитриевича остава-

лась зацепка: в дальнейшем при благополучно сложившейся ситуации он имел возможность вновь заявить о своих претензиях. Такая возможность представилась в связи со смертью Витовта.

Правда, смерть эта вызывает подозрения. Слишком влиятельные силы – в Польше, Ливонии, на Руси и в Литве, а возможно, и в Риме – были заинтересованы в его устранении. Несмотря на пожилой возраст, он был достаточно крепок, чтобы ездить верхом. Так что его падение и (или) последующая смерть могли быть организованы врагами.

Тайна смерти несостоявшегося короля Литвы остается загадкой. В подобных случаях расследование начинают с того, что выясняют: кому это выгодно? Ответ очевиден: Ватикану. Витовт властвовал над языческим и православным населением своего великого княжества. При его добрых отношениях с Русью нетрудно было предположить, что он будет склоняться к православию. Тем более что позиции Ливонского ордена были ослаблены, а по соседству с католической Польшей, в Чехии, разгоралось антикатолическое движение.

Но, повторим, нет доказательств вины Ватикана в гибели Витовта. Но последующие события подтвердили дальновидность ватиканской политики. В конце концов Литва стала преимущественно католической страной. Это обстоятельство сыграло свою роль значительно позже, в конце XX века, когда Литовская ССР была самой крупной из республик Прибалтики, начавших процесс развала и расчленения

Советского Союза. Правда, и на этот раз влияние Ватикана можно лишь предполагать.

Итак, смерть Витовта отозвалась на Руси новой вспышкой смуты. Пятнадцатилетний Василий II нетвердо держал в руках бразды правления Великим княжеством. Да и времена были непростые, требовавшие от руководителя и его советников хитроумных политических маневров.

Юрий Галицкий, вновь предъявив свои претензии на московский престол, потребовал, чтобы состоялся третейский суд, а в качестве судьи выступил бы хан Золотой Орды. Юрий и Василий II отправились в Орду. Преимущество было на стороне Юрия Дмитриевича, потому что его поддерживал крымский хан Тегин Ширин, друг Свидригайло.

Однако главный советник Василия II, московский боярин Иван Всеволожский, сумел повернуть дело так, что преимущество Юрия обернулось ему во вред. Он убедил ордынского хана Улуг-Махмеда, что тройственный союз Юрия, Свидригайло и Ширина подорвет могущество Золотой Орды, переживавшей в ту пору кризис.



Великий князь Василий II

Решение ордынского Верховного Суда, одобренное ханом, было в пользу Василия II. Он получил ярлык на великое княжение, Юрию был пожалован, в дополнение к Галичу и Можайску, город Дмитров. Тогда же ханский посол торжественно возвел на великокняжеский престол Василия II в Москве, а не как прежде – во Владимире. С этого момента Москва и официально стала столицей великого княжества.

Но тут начались козни, интриги и конфликты. Василий II обещал боярину Всеволожскому жениться на его дочери. Однако, вернувшись из Орды, он взял в жены княжну Марию Ярославну, представительницу рода князей Серпуховских. Вряд ли это был брак по любви. По-видимому, София, мать великого князя Московского и дочь великого князя Литовского, настояла на выборе княжны, а не боярышни. К тому же Серпухов был надежной опорой Москвы.

Обиженный боярин Всеволожский перешел на сторону Юрия Галицкого. Василий II потерял разумного советчика, а Юрий приобрел ценного сторонника. Уж не по умыслу ли этого боярина произошел случай, ставший поводом для откровенной междоусобной вражды?

На свадьбе Василия II присутствовали сыновья князя Юрия – Василий и Дмитрий Шемяка. На Василии Юрьевиче, как сообщает летописец, был «пояс золот на чепех с камением... Се же пишем того ради, понеже много зла от того ся почало».

Один из московских бояр признал в этом поясе вещь, принадлежавшую еще Дмитрию Донскому. Такой намек на преемственность и причастность к знаменитому предку не стерпела София Витовтовна. Она публично сорвала этот пояс с гостя. Василий Юрьевич вместе с Шемякой, «раззлотившись» (можно добавить – и распоясавшись), тотчас отправились к отцу в Галич. А Юрий Дмитриевич «собрался с всеми людьми своими, хотя ити на великаго князя».

В общем, была бы причина, а повод найдется. Главной же причиной оставались претензии Юрия на московский престол. В истории с поясом, по свидетельству летописца, участвовал боярин Всеволожский, к которому эта вещь, украденная у Дмитрия Донского, перешла по наследству. По-видимому, хитрый боярин не без умысла одарил поясом Василия Юрьевича.

По всей видимости, у Всеволожского были не только личные причины предать Василия II. Он был из «старых» бояр, которые стояли за сохранение прежних феодальных порядков. Вокруг же великого князя группировались «юные» бояре и дворяне, выступавшие за активный курс внешней политики, направленный на укрепление государственной власти и расширение владений Москвы. Это была внутренняя междоусобица, напоминавшая ту, которая произошла в середине 1980-х годов в Политбюро СССР, когда более молодые (относительно, конечно) и агрессивные члены Политбюро подчинили своей власти «консерваторов».

В обоих случаях – и в древности, и в современности – победили более молодые силы. Они опирались на новые, окрепшие и рвущиеся к власти социальные слои. Это содействовало распространению смуты.

Но тут следует сделать оговорку. В прежние времена молодые бояре были за укрепление государственной власти. За ними стоял служивый люд, а также горожане и купцы, заинтересованные в расширении великокняжеских владений, и

в связи с этим торговых и культурных связей, установлении надежного порядка в стране и усилении ее военной мощи (гарантирующей национальную безопасность).

В наше время «молодые политбюрократы» опирались на возникшее еще при Хрущеве и окрепшее при Брежневе коррумпированное высшее чиновничество и представителей теневого капитала. Они желали ослабить государственную власть, освободиться от контроля со стороны соответствующих органов и организаций, ориентируясь на буржуазные ценности (прежде всего материальные, хотя лозунги выдвигали, естественно, другие) и стремясь к личному обогащению и безраздельной власти над национальными богатствами и над народом.

Эти антигосударственники одержали победу, ознаменованную распадом сообщества государств народной демократии, а затем и СССР. А в старые времена тоже поначалу победили, можно сказать, антигосударственники, из числа «старых бояр», поддержавших Юрия Галицкого. Иван Всеволожский бежал через Углич и Тверь к Юрию и стал «подговаривати его на великое княжение».

Тут можно и уточнить летописца: никакие особые «подговоры» на этот счет Юрию не были нужны. Он и без того был готов выступить против Василия II. Теперь, заручившись поддержкой и советами Всеволожского, он понял, что медлить нельзя. Захватив москвичей врасплох, Юрий Галицкий со своим войском подошел к городу, угрожая начать

штурм. Василий II предпочел сдаться. Юрий вошел в столицу и провозгласил себя великим князем. Василию Васильевичу был предоставлен на княжение город Коломна.

Летописец объясняет поражение Василия II тем, что рать московских горожан перепилась: «Мнози от них пьяни бяху и собой мёд везяху, что пити еще». Но главное, что поход Юрия Галицкого был внезапным, намерения его решительны, а русские люди не желали воевать между собой.

Вроде бы все обошлось миром. Но так только казалось. На стороне Юрия была сила, но не правда. Ведь он вторгся в чужие владения. После этого следовало ожидать перераспределения вотчин, прихода к власти новых людей, тогда как власть прежних бояр и удельных князей оказалась под угрозой.

Серьезное нарушение прежнего порядка – это уже смута. Ее опасность заставила московскую знать двинуться в Коломну, к своему прежнему господину. Это было молчаливое голосование против самозванного великого князя московского в пользу Василия II. Юрий Дмитриевич не ожидал этого. Он остался со своими приближенными и войском во враждебно настроенном городе и в окружении владений, хозяева которых тоже готовы были выступить против него. Поэтому он вынужден был вернуть племяннику великокняжеский престол и возвратился в Галич.

И тут Василий II, обрадованный неожиданной победой, сделал два серьезных промаха. Он приказал ослепить пре-

дателя Всеволожского, чем вызвал тайное неодобрение многих влиятельных бояр. Во-вторых, он решил закрепить свой успех, захватив владения своего коварного и неугомонного дяди.

Начались военные сражения. Против армии Василия II выступили не только войско Юрия Галицкого, но и вятичи. Их город пользовался правами автономии в пределах Галицкого княжества, которой они могли лишиться, попав под власть Москвы.

В начале 1434 года Юрий и его сыновья при поддержке вятичей разбили великокняжеское войско, заняли Москву, захватили великокняжескую казну. Василий II бежал в Новгород, но под нажимом бояр, не желавших ссориться с Юрием, переметнулся в Нижний Новгород. Положение его было отчаянным. Новый московский хозяин послал за ним своих сыновей с войском. Но они вынуждены были вернуться с полпути, узнав, что их отец скончался (ему тогда было шестьдесят лет).

Среди его сыновей начались распри. В отсутствие отца они лишались всяких законных прав на великокняжеский престол. Однако старший из них, Василий, по прозвищу Косой, решил объявить себя великим князем. Братья – Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не поддерживали его. Они призвали обратно Василия II.

С этого начался новый этап смуты.

ВАСИЛИЙ, СТАВШИЙ ТЕМНЫМ

Василий Косой выступил на этот раз как откровенный захватчик, не желающий считаться с существующими законами и добивающийся власти силой. Но в то же время это была борьба против верховной власти великого князя Московского, против расширений его владений и установления под его господством Московского царства. Вот почему схватка была долгой и ожесточенной.

Фактически вопрос стоял так: быть Руси единым государством или превратиться в более или менее разобщенные феодальные уделы. Это было выступление против гегемонии Великого княжества Московского. Волнения вышли далеко за пределы центрального региона, охватив Верхнее и Среднее Поволжье. Были попытки втянуть в антимосковскую коалицию Новгород, Тверь, Вологду, Вятку, Устюг.



Сражение великокняжеских дружин

Но теперь и среди сепаратистов не было единства. Дмитрий Шемяка, узнав о вокняжении в Москве брата Василия Юрьевича, стал союзником Василия II. Причиной такой резкой перемены позиции Шемяки, по-видимому, стало то, что он не только считал незаконными такие притязания брата, но и понимал, что его положение в Москве непрочное. Ведь их отец уже дважды занимал столицу, но удержаться там не смог.

Войско Василия II и Шемяки двинулось к Москве. Василий Юрьевич отступил. Шемяка получил в удел Углич и Ржев.

Побыв недолго в Новгороде, Василий Юрьевич отправился в Кострому, которая вместе с Вяткой была опорой сепаратизма, и начал собирать войско. В январе 1435 года его

армия, вторгшаяся в пределы Ярославского княжества, была разбита. Он бежал в Кашинский удел Тверского княжества. Сюда же подошли остатки его войска. Получив подкрепление из Твери, он двинулся на Вологду, рассчитывая завладеть этим важным экономическим пунктом и контролировать торговый путь из центральных русских областей на Север. У Вологды его поджидала засада: часть великокняжеского войска. Но застать Василия Юрьевича врасплох не удалось. Он разбил эту рать и взял в плен нескольких московских воевод. Однако из-за немалых потерь вынужден был вернуться в Кострому.

Здесь к нему на подмогу вновь пришли удалые вятичи. Их поддержка помогла Василию Юрьевичу заключить мирный договор с Василием II и получить в удел Дмитров. Но это был ловкий маневр со стороны мятежного князя. Он двинул свою рать на Устюг Великий, оплот великокняжеской власти на Северной Двине. Устюжане девять недель выдерживали осаду. За это время Василий Юрьевич разорил окрестные волости и села, а взяв город, многих устюжан казнил.

Затем Василий Юрьевич захватил еще один очень важный экономический центр – Вологду. Получив подкрепление в Костроме, он пошел на Москву. На этот раз он потерпел сокрушительное поражение и был взят в плен. Василий II приказал его ослепить.

Эта кара была в традиции Византии и до Василия II на Руси не практиковалась. Столь жестокой мерой князь попытал-

ся запугать оппозицию, однако добился противоположного. Общественное мнение – важнейший фактор в период смут – оказалось не на его стороне. И вскоре Василию II пришлось претерпеть ту же самую казнь.

Отдельные отряды Василия Юрьевича Косого (а теперь – Слепого) продолжали воевать с Москвой. Им даже удалось взять в заложники ярославского князя с княгиней, получив за них крупный выкуп. Но все-таки на некоторое время усобица угасла. Для Василия II наступила передышка, которой он не сумел воспользоваться.

Татарские набеги на русские княжества участились. После смерти Едигея – последнего сильного хана Золотой Орды, там усилился сепаратизм. У полукучевых орд, живших главным образом за счет покоренных народов (паразитическое существование), это было обычным явлением. Из Крымского ханства постоянно совершались набеги на русские земли. А за спиной Бахчисарая стоял Стамбул – переименованный турками в Константинополь, – столица евразийской супердержавы того времени.

Хан Егюдай создал свое вассальное княжество южнее Курска. Хан Саид-Ахмад вытеснил с южного Поволжья хана Улуг-Махмеда, который обосновался севернее, на Оке, в городе Белёве.

Василий II послал против него войско под командованием двух Дмитриев, сыновей Юрия Галицкого. Русские одержали победу и потребовали ухода ордынцев из Белёва. Улуг-

Махмед возобновил боевые действия и на этот раз остался победителем.

Окрыленный успехом, он направился в 1439 году на Москву. Узнав об этом, Василий II отправился в Кострому – набирать новое войско. Московское ополчение возглавил его тесть, князь Юрий Патрикеевич. Десять дней армия Улуг-Махмеда штурмовала столицу, но вынуждена была отступить, грабя и сжигая русские города и села.

Почувствовав слабость Орды, некоторые татарские феодалы поспешили заручиться поддержкой или Литовского, или Московского великих княжеств. Тем более что противостояние Москвы и Новгорода закончилось военными действиями, во время которых москвичи совместно с псковичами одержали победу, после чего Новгород обязался выплачивать Москве огромную по тем временам контрибуцию – 8 тысяч рублей.

Ситуация на Руси осложнялась из-за церковных неурядиц. Православие переживало кризис: Константинопольская патриархия, желая спасти Византию от турецкого завоевания, согласилась на унию с Ватиканом, назначив на Русь митрополитом Исидора. Предполагалось одобрение унии Русской православной церковью. Исидор был торжественно принят в Москве.

Когда Исидор отправился на церковный собор в Италию, Василий II отправил вместе с ним представительную делегацию. В пути Исидор находился очень долго. Например, в Ри-

ге, столице Ливонского ордена, он задержался на целых восемь недель. На соборе Исидор принял деятельное участие в заключении унии и подписал ее 5 июня 1439 года.

Двое членов русской делегации бежали из Италии на Русь, чтобы сообщить о политике Исидора. Он же на обратном пути также надолго задержался в Венгрии – форпосте Римской церкви в Юго-Восточной Европе. Действия митрополита свидетельствовали о его тесной связи с Ватиканом. И когда он, вернувшись в Москву 19 марта 1441 года, с амвона кафедрального собора объявил о соединении православной церкви с католической, то был взят «за приставы» и заточен в Чудовом монастыре. Оттуда он бежал в Тверь, где тоже был взят под стражу, но потом отпущен.

Исидор направился в Литву, а потом в Рим. Судя по всему, побег его был осуществлен не без ведома Василия II. Вероятно, он не желал портить отношения с Ватиканом, который приобретал все большее влияние в Литве, в то время как на Руси продолжались междоусобицы, да и Орда давала о себе знать.

В 1445 году сыновья Улуг-Махмеда из Казанского ханства двинулись на Москву. Под Суздалем они разбили русское войско и взяли в плен Василия II. Путь к столице был открыт. В городе началась паника. Однако в этот момент горожане-простолюдины сами взялись за оружие и стали готовиться к обороне, сурово расправляясь с паникерами.

Возможно, это был один из решающих моментов смуты,

когда она могла дорого обойтись Москве. Будь ее жители менее решительными, не прояви патриотизма, стали бы они подвластными казанским ханам, а Москва перестала бы быть политическим центром Руси.

Татарские полководцы, узнав о приготовлениях Москвы к обороне, не решились на осаду города и отошли к Нижнему Новгороду.

За Василия II был обещан большой выкуп. Кроме того, татарским феодалам были розданы «кормления» – право на поборы с населения Руси. 17 ноября 1445 года Василий II вернулся в Москву, но был встречен холодно, отчужденно-враждебно. Огромный выкуп лег тяжким бременем на народ.

Волнения москвичей усилились из-за бесчинств татар, прибывших вместе с великим князем для получения выкупа. Этим воспользовался Шемяка, организовав заговор против Василия II, утратившего к этому времени авторитет и значительную долю власти.

Шемяка вовлек в заговор князя можайского Ивана Андреевича и часть других удельных князей. Вошли в антимосковскую коалицию Новгород и Тверское великое княжество. Использовал Шемяка и оружие идеологическое – демагогию.

Свои личные интересы он прикрывал заботой о всенародном благе, заявляя, что выступает «за все люди». Через своих агентов он распространял клевету на Василия II, который якобы обещал передать татарам власть над всей Русью, кро-

ме Тверского великого княжества, которым сам намеревался завладеть.

Клевета была наглой, а пропаганда против мнимого татарского владычества – хитрой уловкой, не имевшей за собой никаких реальных оснований. Золотая Орда была настолько ослаблена, что ее враждующие ханы при всем желании не могли восстановить свою былую власть над Русью.

Но тут сказалась важная особенность «информационной войны»: в ней обычно побеждает наиболее беспринципный, подлый и наглый, для которого самое главное – задеть «больные струны» общественного сознания.

Как тут не обратиться к современности и не вспомнить о победе в идеологическом противостоянии американской пропаганды, а затем и ельцинского курса на захват власти. Тогда множество обывателей в странах народной демократии и в СССР, в особенности из числа служащих и интеллигенции, уверовали в то, что со свержением социализма и установлением капитализма они получат обещанные материальные блага. Для этого, мол, достаточно на первых порах отобрать власть у партгосаппарата и вручить ее вместе с общенародным достоянием олигархам и их ставленникам.

Действительно, олигархи фантастически быстро обогатились, заодно растратив государственную казну, ельцинская Семья превратилась в миллиардерский клан. А народ, как известно, обнищал и стал вымирать с невиданной быстротой. Даже теперь, после двух десятилетий капиталистическо-

то «рая», в Польше, например, половина населения полагает, что при социализме им жилось лучше. А ведь если бы поляки продолжали развивать и укреплять социалистическую экономику, то они жили бы теперь не хуже, чем французы или немцы. О Советском Союзе и не приходится говорить. оставаясь сверхдержавой, он, даже по прогнозам авторитетнейших западных экономистов, к 2000 году приблизился бы к США не только по валовому национальному продукту, но и по уровню потребления на душу населения.

...Впрочем, вернемся в XV век. Тогда московское население на некоторое время поддалось на враждебную пропаганду, не уразумев поначалу, что для Руси требуется укрепление центральной великокняжеской власти.

Например, богатые купцы были недовольны не только налогами тяготами в счет выкупа, но и тем, что татары, захватив Нижний Новгород, контролировали волжский торговый путь и наносили большой ущерб торговле с Востоком. Но ведь прогнать ордынцев можно было лишь за счет укрепления власти Василия II и Москвы, а не наоборот. Однако под воздействием враждебной агитации и богатые купцы, и влиятельные бояре, не говоря уж о простом народе, сочувствовали заговорщикам.

А Василий II проявил удивительную беспечность. Он отправился в Троице-Сергиеву лавру с малочисленной охраной, не заботясь о настроениях в столице. Войско Дмитрия Шемяки, обосновавшееся в Рузе, внезапным броском вы-

шло к Москве. Местное население не оказало им сопротивления. В Троице-Сергиеву лавру был отправлен крупный отряд под командованием можайского князя, который взял в плен Василия II и доставил в Москву. Здесь великий князь был ослеплен, а затем вместе с женой сослан в Углич.

Шемяку провозгласили великим князем московским. Население присягнуло ему на верность. Многим казалось, что с приходом новой власти начнется пора процветания. Надежались на то, что поборы будут уменьшены.

Все вышло наоборот (не правда ли, очевидная аналогия с концом XX века?). Шемяка не только захватил великокняжескую казну, но вместе с пришлыми своими приспешниками принялся грабить московских жителей не хуже татар. Новые власти вели себя как завоеватели.

В отличие от замороженного населения конца XX века, тогда, в XV столетии, народ великого княжества Московского быстро осознал, что попал из огня да в полымя. Что вопрос не в том, что сулит некая группа в погоне за властью, а в том, как она выполняет свои обещания. На дела и обращал внимание московский люд.



Ослепление Василия II

Кстати заметим, что исторические примеры не подтверждают набившее оскомину утверждение об униженности, покорности и долготерпении русского народа. Во всяком случае, для XV и XVI веков это вовсе не характерно. Тогда народ быстро сориентировался, поняв, что его обманули.

Центром оппозиции стал Муром, куда сослали сыновей Василия II, в том числе будущего объединителя Руси Ивана Васильевича (Ивана III). Дмитрий Шемяка хотел избавиться от них, но помешал епископ Иона, после ареста Исидора фактически управлявший метрополией.

Часть бояр, оставшихся верными Василию II, которого с той поры называли Темным, организовала заговор с целью его возвращения в Москву. Но заговор был раскрыт, и многие его участники бежали в Литву.

Видя растущее недовольство москвичей, Шемяка постарался заручиться поддержкой церкви. Иона пошел на это, но при условии, что будет освобожден Василий II. Шемяка отдал бывшему великому князю «в отчину» Коломну.

Захватившие власть в Москве «пришельцы» были озабочены собственным обогащением. Они ущемляли права местных бояр и дворян, а купцы возмущались стеснениями в торговле при поощрении их постоянных конкурентов из Новгорода. Увеличивался экономический развал, началась инфляция, в связи с чем были выпущены облегченные серебряные

монеты.

Недовольство общества заставило и церковь перейти в оппозицию Шемяке. Из Литвы к Василию II возвратились эмигранты. А главное – его поддержала Тверь. Положение Шемяки в столице стало шатким. Когда в декабре 1446 года он отлучился из Москвы, москвичи открыли ворота столицы небольшому отряду войск Василия II. По-видимому, тайный сговор произошел значительно раньше: дожидались только удобного слу чая.

В феврале 1447 года Василий II Темный торжественно въехал в Кремль. На этот раз – окончательно.

Любопытная деталь. В ту пору, когда на Руси правил великий князь, существовал феодальный строй и ни о какой демократии речи быть не могло (формально она существовала в Новгороде), настроение общества играло огромную роль, в значительной мере определяя выбор того верховного правителя, на стороне которого народ. Для этого не требовались никакие специальные процедуры «демократических выборов», в которых слишком часто побеждает отпетый демагог и прожженный лицемер, наглый лгун и ставленник определенной группы.

Смутное время на Руси обычно завершалось так: после того как народ начинал сознавать, что Отечество в опасности и ему грозит большая беда, он делал свой выбор и твердо выступал з а н е го.

Призвание на великое княжение Василия II стало послед-

ним и окончательным выбором.

«Примечательно, – писал Н.И. Костомаров, – что характер княжения Василия Васильевича с тех пор совершенно изменяется. Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем; но с тех пор, как он потерял глаза, все остальное его правление отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что именем слепого князя управляли умные и деятельные люди. Таковы были бояре: князья Патрикеевы, Рязполовские, Кошкины, Плещеевы, Морозовы, славные воеводы: Стрига-Оболенский и Федор Басенок, но больше всех митрополит Иона».

Согласно Костомарову, получается, будто лишившись зрения, Василий II приобрел «внутреннее видение». Потому что управлял-то все-таки он, а не кто-либо иной – от его имени. В его воле было приблизить к себе таких достойных людей. И такие люди сами шли к нему в услужение.

Ведь не могучим государем был ослепший, низложенный и сосланный в небольшой удел Василий II. Дело тут было не столько в его личном выборе помощников, а в их выборе: пойти на его службу или предпочесть более влиятельного господина.

Не исключено, конечно, что превратности судьбы и страшное наказание – выколотые глаза – оказали влияние на его характер и склад ума. Он стал обдумывать свои действия обстоятельно. Но все-таки главным было то, что изменилось отношение к нему окружающих, его бывших поддан-

ных, быстро понявших, что Шемяка обманул их ожидания.

Сказались здоровый и мудрый «инстинкт народа» и его ясное сознание. Пожалуй, народ даже сочувствовал свергнутому великому князю. Шемяка изувечил его, показав себя злодеем. А на Руси, в отличие от Западной Европы, всегда жалели потерпевших. Народ выбирал не того, на чьей стороне сила, а того, на чьей стороне полагал правду.

Победа сепаратистов и ослабление Москвы грозили распадом страны на удельные княжества, которые рисковали попасть под власть соседних государств. Да и Православная церковь с поражением Москвы могла оказаться в тяжелом положении и утратить свое влияние.

Правда, Шемяка и его союзник Иван Можайский попытались создать новую антимосковскую коалицию в составе Можайска, Новгорода, Вятки и Казанского ханства. Иван Можайский даже попытался заручиться поддержкой Литвы.

Желая выиграть время, Шемяка заключил перемирие с Василием Темным. Но при этом отказался возвратить великокняжескую казну. Перемирие было прекращено. Решающее сражение стало неизбежным.

В это время на службу к Василию II пришли татарские царевичи Касим и Якуб.

Касим стал верным и надежным союзником Москвы. Его народ – касимовские татары – стал одним из этнических компонентов России. Эти союзники внесли свой вклад в дело объединения России. (А в 2001 году в Казани татарские на-

ционалисты сожгли чучело Ивана Грозного!)

Решающее сражение произошло у Галича в 1450 году. Войско Шемяки было разбито; сам он бежал в Новгород.

Так завершилось смутное время. Правда и народ оказались на сто роне Васил ия II, точ нее сказать, на сторо не Великог о княжества Московского, которому суждено было в недалеком будущем стать сердцем объединенной России.

Могло ли быть иначе? Г.В. Вернадский привел на этот счет высказывание немецкого историка первой половины XX века Б. Спулера: «Улуг-Махмед глупо упустил великолепный шанс полностью подчинить Великое московское княжество» (имеется в виду освобождение Василия II и отмена похода на Москву). Вернадский справедливо иронизировал: «На самом деле Улуг-Махмед, по-видимому, лучше понимал ситуацию, чем его советчик двадцатого века. Времена Тохтамыша закончились...» Но дело было не только в ослаблении Золотой Орды. Главное – решимость русского народа, особенно москвичей, защищать свое Отечество.

Вспомним историю Великой Отечественной войны. В 1941 году немецко-фашистские захватчики вторглись в СССР и Красная армия терпела тяжелые поражения, неся огромные потери. Гитлер рассчитывал на то, что советское правительство во главе со Сталиным рухнет, а русский народ покорится более мощному противнику. В этом отношении Улуг-Махмед проявил куда больше проницательности и предусмотрительности.

Когда народ поднимается против иноземного владычества, то покорить его практически невозможно. Татарский хан понимал, что его может ожидать: партизанская война, повсеместные бунты, а потом неизбежное поражение.

Русский народ стал сознавать или чувствовать себя единым этносоциумом. Возможно, он впервые осознал свое достоинство и величие: московский люд сам справился с паникерами и, несмотря на отсутствие руководящих господ, организовал оборону.

До этого в головах людей преобладала смута – не было ясного понимания сути происходящих событий. Общественные симпатии склонялись то в одну, то в другую сторону. По этой причине поочередно побеждали то сторонники централизованной власти, то сепаратисты.

Казалось бы, какая разница простому человеку, кто станет его господином; останется ли он в Великом княжестве или в небольшом удельном княжестве Московском? (Как тут не вспомнить, что еще недавно доводилось слышать мнение о том, что незачем горевать о какой-то великой России – СССР: жилось бы в достатке и уюте пусть и в небольшом Московском царстве-государстве. Так говорили вполне нормальные и весьма образованные русские интеллигенты конца XX века.)

Русские люди XV века поняли, что расчленение на небольшие слабые удельные княжества означает конец Руси независимой и могучей. И это ясное осознание реальности

означало преодоление смуты.

ИЗ СМУТЫ – С ЧЕСТЬЮ

В 1453 году произошли два события, повлиявшие на отечественную историю. Турки при поддержке Венецианской республики завладели Константинополем. Христианские кресты над его храмами сменились исламскими полумесяцами. Второй Рим пал.

Ватикан тоже мог праздновать победу. Его духовному сопернику – греческой православной церкви – был нанесен тяжелый удар. Как видим, законы конкуренции свирепствуют и в духовной сфере, даже в церквях, считающих себя христианскими.

Москва, став прямой наследницей Византии, могла теперь претендовать на титул Третьего Рима.

В том же году в новгородской эмиграции скончался неутомимый борец против возвышения Москвы и за сохранение феодальной раздробленности Дмитрий Юрьевич Шемяка. Многие источники подчеркивают, что смерть была насильственной, что он «умре с отравы», «умре напрасно», «даша ему лютого зелия».

Ермолинская летопись указывает, что яд для отравы Шемяки привез из Москвы в Новгород московский дьяк Степан Бородатый. Он якобы подкупил повара Дмитрия Шемяки по прозвищу Поганка, который и преподнес это «зелие» за обедом «в куряти», отчего князь и скончался.

Скорее всего, так предполагали многие современники, поскольку Василий II, главный противник Шемяки, был заинтересован в его устранении.

Однако у нас нет оснований доверять сведениям летописцев, которые ссылаются на «людскую молву». Подобные источники нельзя считать надежными. Слухи слухами, но не исключено, что вызваны они догадками или дезинформацией.

Князь Шемяка оказался в Новгороде в то время, когда городская элита была заинтересована в налаживании отношений с Москвой, победившей в феодальной войне. Строптивый беглец, нашедший пристанище в их городе, был им неудобен и даже опасен. Его присутствие обостряло и без того напряженные отношения между двумя крупнейшими политическими, экономическими и торговыми центрами Руси.

Не исключено, что Шемяка пал жертвой мести. За три года до этого он захватил Великий Устюг. Часть местной знати и купцов сохранила верность Василию II. За это Шемяка «метал» их в реку Сухону, «вяжучи камение великое на шею им». Родственники казненных вполне могли при случае отомстить Шемяке.

Возможно даже и то, что ярый противник Василия II боялся, что будет выдан своему врагу на расправу (а новгородцы вполне могли пойти на такую демонстрацию дружбы), а потому покончил жизнь самоубийством.

Впрочем, вполне вероятно естественная кончина князя

или его отравление той самой «курятую». В прежние времена «естественное» отравление обычно толковали как результат происков врагов и отравление нарочитое.

Так или иначе, но эта смерть символизировала, что смута закончилась. Самый непримиримый и последовательный борец против гегемонии Москвы сошел с исторической арены. Теперь удельные князья оказались под властью более сильного Великого князя Московского. Обозначился безусловный центр объединяющейся Руси – Москва.

Сильнейший удар был нанесен удельному порядку (правда, остатки его сохранялись еще длительное время, до царствования Ивана III). Ликвидированы были уделы в Суздальской земле. Подчинилась Василию II свободолюбивая и своевольная Вятка, которая вместе с Галичем была оплотом сепаратизма.

Москва усилила свое влияние и на Северо-Западе Руси, начав борьбу за власть над могучей и богатой боярско-купеческой республикой, «вольным Новгородом».

Псков был вынужден принять московского наместника «ни по псковскому прошению, ни по старине». Ослабла независимость Ярославского и Ростовского княжеств. Только Тверь все еще оставалась серьезным и независимым конкурентом Москве.

Позиция великого князя тверского, Бориса Александровича, в период смуты была непоследовательной. От нейтралитета он перешел к антимосковской позиции, а от нее – к

союзу с Москвой. Казалось бы, ситуация для него складывалась благоприятно. Он получал шанс на возвышение и устранение с политической арены Василия II.

По-видимому, дело было в том, что великому князю тверскому приходилось лавировать между «двумя великанами» – Литвой и Москвой. Избавившись от «московского гегемона», он рисковал оказаться под властью Литвы, с которой вынужден был при Витовте сверять свою внешнюю политику и, в частности, участвовать в Литовском походе на Новгород.

Литве подчинилось и великое княжество Рязанское. Увеличивалось давление Литвы на Новгород. Чтобы сохранять независимость своих владений, князь Борис, вероятно, вынужден был иметь сильного союзника в лице Москвы. Он, конечно же, не мог предвидеть дальнейшее укрепление великого княжества Московского и сравнительно быстрого включения в него тверских земель. Это сделает Иван III, который покорит Тверь и депортирует часть ее жителей.

Международные позиции Руси окрепли в немалой степени за счет внутривосточных неурядиц среди ее агрессивных восточных и западных соседей. Не только Литва, но и Ливонский орден переживал упадок, все реже стал беспокоить Псковскую республику и в конце концов счел за благо заключить с ней мирный договор.

Возможно, все эти обстоятельства больше, чем окрепший при слепоте ум Василия II и его опыт – во многом отрица-

тельный – политической борьбы, содействовали его окончательной победе.

Однако в истории редко происходит случайное стечение благоприятных (или неблагоприятных) обстоятельств, не имеющее никакого логического основания. Взгляд на исторический процесс как проявление своеобразий отдельных выдающихся личностей или вообще правителей устарел уже в античные времена.

В частных случаях подобные стихийные явления не только возможны, но и неизбежны, подобно тому, как в судьбе человека проявляются не только определенные закономерности, но и непредсказуемые, алогичные события и поступки. Однако следует учитывать, что общественные процессы имеют преимущественно статистический характер, являются составляющими множества разнонаправленных векторов.

Так, при горном обвале или снежной лавине каждая отдельная частичка описывает сложную, порой причудливую траекторию. Но все вместе они двигаются, подчиняясь определенным закономерностям по более или менее простой предсказуемой линии, в соответствии прежде всего с силой гравитации, особенностями рельефа и внутренними свойствами данного массива.

Нечто подобное происходит и с крупными общественными процессами. Отдельные флуктуации в нем сглаживаются и демонстрируют не более чем временные, не слишком значительные отклонения от единой составляющей.

Смутные эпохи, судя по всему, разворачиваются по какой-то внутренней логике и завершаются закономерно, чему подтверждением служат последующие события. То, что мы видим их ретроспективно, может, конечно, создавать определенную иллюзию закономерности. Но когда данная линия развития (или деградации) прослеживается достаточно долго, это уже вряд ли допустимо относить к явлениям случайным.

Московское великое княжество, преодолев непростые перипетии смутного периода, вышло из него с честью. То, что это не было случайным успехом, доказывают последующие события: укрепление Москвы и формирование на ее основе государства Российского.

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА МОСКВА?

В науке принято избегать вопроса «почему», предпочитая – «как». В истории поиски первопричин чаще всего уводят все дальше в прошлое, порой в доисторические времена, где и вовсе отсутствуют письменные свидетельства, а восстанавливать события приходится по косвенным фактам.

И все-таки попытаемся ответить на вопрос: почему Московское великое княжество вышло из феодальной войны окрепшим, восстановившим и усилившим свои позиции? Это произошло несмотря если не на бездарность, то во всяком случае заурядность Василия II.

По всей вероятности, народу надоели постоянные феодальные междоусобицы, те беспорядки, которые были вызваны произволом тогдашних олигархов – бояр и князей. Лучше уж было терпеть от одного великого князя Московского, чем от целой оравы удельных князей московских, великих князей иных земель и от их удельных князей. Постоянные раздоры и хитрые политические интриги ослабляли каждое русское княжество. В результате возрастала опасность подпасть под власть сильных и агрессивных западных или восточных соседей.

Была еще одна важная причина, способствовавшая окончанию феодальной войны. Феодалы противоборствующих сторон захватывали общинные земли черносочных кре-

стьян, то есть лично свободных крестьян, несших государственные повинности. Такая «экспроприация» в XV веке шла полным ходом (и была в основном завершена в годы опричнины при Иване Грозном).

Возникали многочисленные отряды «татей», как называли тогда вооружившихся крестьян, вступавших в борьбу с угнетателями. Междоусобицы ложились тяжким бременем и на городской небогатый люд, да и на богатых купцов тоже: ведь они теряли торговые связи. В Москве, Можайске, Серпухове, Новгороде, Пскове происходили народные восстания.

Это пугало все слои феодалов – от мелких дворян до бояр и удельных князей. В одних случаях крестьяне поддерживали своих князей в борьбе против Москвы. В других выступали за московское господство. Беднота Устюга Великого открыла ворота города Шемяке. Его крепкой опорой были жители Вятской земли, где еще были сильны патриархальные порядки, а феодальный гнет был слабее, чем в Московском великом княжестве. В Вятку стекались беглые холопы, готовые сражаться с Москвой. Победа Василия II обернулась для многих из них закабалением.

А крестьяне и горожане Московского великого княжества поддерживали Василия II. Ведь каждый новый приход чужаков приносил им новые тяготы, грабежи, разорение.

В период междоусобиц феодалы начинали чувствовать зыбкость своего положения. Они теперь во многом зависели

от более низких социальных слоев. А те в свою очередь начинали осознавать свои политические возможности. Это обстоятельство их тревожило. Борясь друг с другом, они становились слабее, попадая в зависимость от собственных подданных или от чужеземцев или иноверцев.

Важную роль играла авторитетная православная церковь, которая выступала не только за стабильность, но и за объединение отдельных феодальных владений в одно государство. В противном случае страну ждала судьба Византии.

Затянувшаяся смута утомила и господ, и подчиненных. Слабость власти порождала не столько анархию, сколько хаос. И если для воинственных князей ратные «потехи» были занятием привычным и естественным, то для простого люда – крестьян, ремесленников, а также для купцов и торговцев постоянные междоусобицы стали в конце концов невыносимыми. Народ устал от беспорядка. Гарантировать установление мира мог только сильный правитель. Учитывая центральное положение Московского великого княжества, таким правителем с наибольшим успехом мог быть его государь.



Работа крестьян на монастырь. Рис. XVI в.

Обратим внимание и на возросшее самосознание русского народа. Как и многие славянские племена, восточные славяне были миролюбивыми, не склонными к ожесточенным захватническим войнам. Те, кто предпочитали вольную жизнь, могли поселиться на свободных территориях на севере и юге

Русской равнины.

Можно сказать, веками на Руси шел естественный отбор двух основных типов характера: оседлого землепашца или горожанина, занятого своим делом, миролюбивого и спокойного, и вольнолюбивого, анархически настроенного человека. Для такого отбора были благоприятны условия – и природные, и социальные, и политические. В результате в центральном регионе страны оставались главным образом люди, склонные к мирным занятиям, к общественному порядку. Установление такого порядка было связано, как стало ясно в период феодальной смуты, с признанием главного правителя, центральной власти.

Вновь следует подчеркнуть проницательность, чувство самосохранения и политическое чутье, которое продемонстрировал народ. Этот патриотический инстинкт русского народа позволил не только преодолеть негативные последствия смуты, но и превратить этот кризис в предварительный этап перехода в новое состояние общества, к созданию единого государства на Руси. В результате феодальных распрей произошло не разобщение, а объединение отдельных княжеств. Произошло не сразу, но закономерно и последовательно.

...Обратившись к современности, к смуте конца XX века, мы увидим нечто прямо противоположное. Могучая держава без особых катаклизмов была расчленена на большое количество так называемых «независимых государств», из ко-

торых все стали несравненно слабей экономически и политически, чем прежде. Скажем, эстонцу в СССР принадлежала – как полноправному гражданину – вся гигантская территория крупнейшей в мире страны от Балтики до Тихого океана. Его права ничем не были ограничены по сравнению с преобладающим русским населением.

Правда, теперь богатый эстонец волен разъезжать по всем странам мира. Но для подавляющего числа населения провинциальный национализм оказался не более чем средством их полного закабаления местными олигархами. То же относится и ко всем «независимым» государствам. Трудящимся – включая интеллигенцию – там теперь живется намного хуже, чем при централизованной власти в единой могучей державе.

Если здраво рассудить, то так оно и должно быть. Несмотря на излишне крупные затраты на оборону страны, единая плановая экономика при нормальной организации имеет явные преимущества перед стихийно развивающимися раздробленными экономиками соседствующих, но разобщенных государств. Тем более что у каждой из них будет не хватать сил для противодействия агрессивным крупным державам.

В то время как США включают в сферу своих экономических интересов огромные регионы по всему земному шару, в то время как европейские страны создают единое экономическое пространство, мощная сверхдержава расчленяется и

превращается в весьма непрочное «содружество» экономически слабых государств.

Не вдаваясь в теоретические обоснования, следует отметить очевидный факт: совокупный экономический потенциал так называемых независимых государств – бывших союзных республик – в несколько раз ниже того потенциала, которым обладал СССР!

Под фальшивым лозунгом демократизации и национальной независимости произошло невероятное для XX века: переход к феодальной раздробленности – событие прямо противоположное тому, что происходило на Руси в XV веке. Тогда смута предшествовала и определила создание единой могучей державы. Теперь смута привела к распаду великой сверхдержавы и, в частности, к разобщению славянских народов (не говоря уж об отчленении русского этноса).

Это был процесс экономической, политической, военной, культурной и в целом общественной деградации. Если учесть его длительный характер, надо признать, что он был не случаен и не определялся только внешними враждебными силами. У СССР были еще более мощные и агрессивные враги, и он смог с ними справиться. Так что главная причина в том, что принципиально изменился правящий слой, а также социальные слои, прежде всего интеллигенция.

Отчасти это стало следствием сталинской национальной политики, которая была направлена не на подавление национальных культур и национального самосознания даже малых

народов, а наоборот, на их сохранение и укрепление. Создав национальные автономии и предоставив там преимущества местному населению (исключение составила только Российская Федерация), создав Совет Национальностей, центральная власть тем самым ослабила свое влияние в регионах. И как только к управлению страной пришла преступная «команда Горбачева», вся структура социалистической системы государств расшаталась, а затем и рухнула. При этом не обошлось и без предательства.

Преодолеть буржуазную потребительскую и паразитическую идеологию не так-то просто. За долгие годы мирной жизни она стала разъедать общественное сознание, поражая прежде всего и преимущественно высшие общественные слои, партийную номенклатуру. Соединившись с национализмом, буржуазная идеология обрела взрывоопасный характер, агрессивный и злобный.

Кто же выгадал от расчленения СССР? Олигархи разного пошиба и «феодальные князья» с националистической окраской. Кто прогадал? Практически все народы и все культуры на этом огромном постсоветском пространстве. И произошло это в результате – помимо всего прочего – утраты значительной частью русского и советского народа реального представления о мире и своего места в нем, утраты глубинного инстинкта самосохранения и национального достоинства, понимания тех преимуществ, которые может предоставить своим гражданам сильное, независимое, экономиче-

ски и научно-технически развитое государство.

Русские люди XV века если не всегда это ясно осознавали, то глубоко чувствовали. Это и стало одним из важных факторов, способствовавших прекращению феодальной смуты и созданию великого государства.

Глава 2

ПРЕДВЕСТИНИКИ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

*Быть может, прежде губ уже родился шепот?
И в бездревесности кружились листья?
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты?*
Осип Мандельштам

МЕЛКИЕ СОБЫТИЯ – КРУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В непрерывном историческом процессе каждое крупное событие зависит от стечения самых разных обстоятельств, порой на первый взгляд ничтожнейших и совершенно непредсказуемых. Только безоглядные (или хитроумные) фаталисты, уверовавшие в пророчества лукавого Нострадамуса, полагают, будто все на свете можно узнать наперед.

Трудно сказать, особенность ли это только русской истории, но у нас наступление смутных времен часто связано со случайностями, которым суждено было играть роль сильных катализаторов общественной жизни.

Одним из таких событий была внезапная смерть царевича Дмитрия, а другим, значительно более ранним, – небольшой фурункул на ноге великого князя московского Василия Ивановича, отца Ивана IV, сведший его в могилу. До этого ничего, казалось бы, не предвещало лихолетий.

«Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории, – писал Н.И. Костомаров. – Эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического русского государства».



Великий князь Иван III

Правда, еще в правление его отца, Василия II, на Руси была большая смута. Но именно при Иване III Московская Русь стала могущественным государством, избавившись от ордынского ига. Произошло это самым замечательным образом, без кровопролития. Когда Иван III перестал платить

дань Орде, в поход против него вышло войско Ахмата, хана Большой Орды. Оно подошло к Угре, притоку Оки. На противоположном берегу реки встали полки великого князя московского. Это знаменитое «стояние на Угре» продолжалось всю осень 1480 года, после чего ордынцы без боя отступили. В те времена такой успех Ивана III рассматривался не только в народе, но и среди князей и бояр как знак судьбы, благоволение Господа.

Успехам Ивана III способствовали его личные качества. «Иван III был одним из выдающихся государственных деятелей феодальной России, – отметил А.А. Зимин. – Обладая незаурядным умом и широтой политических представлений, он сумел понять насущную необходимость объединения русских земель в единую державу... За 40 с лишним лет его правления на месте многочисленных самостоятельных и полусамостоятельных княжеств было создано государство, по размерам территории в шесть раз превосходившее наследие его отца.

На смену Великому княжеству Московскому пришло государство всея Руси... Россия из заурядного феодального княжества выросла в мощную державу, с существованием которой должны были считаться не только ближние соседи, но и крупнейшие страны Европы и Ближнего Востока».

Но это обстоятельство имело и серьезные последствия, во многом предопределившие Смутное время. Быстрое укрепление России заставило насторожиться всех ее соседей. У

великой державы, как водится, появились могущественные, как прав и л о, т а й н ы е, в р а ги.

Возможно, именно с той поры началось недружественное отношение Западной Европы к России, о котором так убедительно писал в XIX веке Н.Я. Данилевский. Противоречия ордынских ханов и изменившаяся общая ситуация в покоренных землях ослабили Орду, вызвали ее упадок, что безусловно способствовало не только подъему и усилению Московского княжества, но и продвижению его на восток.

Было еще одно немаловажное обстоятельство: московский престол наследовал еще один незаурядный политический деятель. Вот как характеризует его А.А. Зимин: «Это был осторожный и трезвый политик. Человек эпохи Возрождения, Василий III сочетал в себе горячий интерес к знанию с макиавеллизмом честолюбивого правителя. Показная набожность прекрасно уживалась в нем с готовностью пожертвовать церковными традициями во имя государственных интересов, которые он отождествлял с особой великого князя всея Руси».

Надо заметить, что «макиавеллизм» был не теоретической системой этого мыслителя, а отражением тех реалий, с которыми приходилось сталкиваться и с которыми вынуждены были считаться правители того бурного и противоречивого времени. Иначе говоря, Василий III по своим личным качествам вполне соответствовал тем обстоятельствам, в которых ему довелось править. И это, безусловно, было благом

для той державы, которую он принял от отца и сумел еще более укрепить, расширить и возвысить.

Помимо всего прочего, Василий III завершил начатое отцом строительство в Москве, в частности Кремля (при участии итальянских архитекторов). Москва по праву могла считаться теперь столицей России.



Великий князь Василий III

Но вот произошло нечто такое, что нарушило поступательное движение России. Началось все с сущего пустяка: прыща на ноге.

Летом 1533 года Василий III с семьей отправился к Троицкой обители, откуда выехал на охоту в Волок Ламский (Волоколамск). На левой ноге у князя появился нарыв; он продолжал охотиться, все более натирая больное место при верховой езде. Князь был крепок и здоров, а потому слишком поздно обратил внимание на эту хворь. Он даже вызвал к себе на охоту брата Андрея Ивановича и выехал с ним на поле с собаками, но после недолгой скачки почувствовал сильную боль в ноге.

Лечить болячку стали слишком поздно, началась гангрена, и на 55-м году жизни царь скончался. Умирал он долго и с большими мучениями, но терпел их мужественно. Сказал жене: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением...» Сделав все необходимые поручения и указания, он просил, чтобы его постригли в монахи, с тем и отошел в мир иной.

Митрополит Даниил привел братьев усопшего Юрия и Андрея к крестному целованию на том, чтобы они служили великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и матери его великой княгине Елене, оставаясь жить в своих уделах. Затем привели к крестному целованию бояр, боярских детей и княжат.

И не было для смуты других предпосылок, кроме одного

обстоятельства: великому князю всея Руси Ивану Васильевичу было в ту пору три годика. Прежде чем начать царствовать, ему пришлось прожить немало лет в условиях, во многом определивших многие его крутые поступки и, в конце концов, наступление великой Смуты.

ДЕТСТВО ИВАНА ГРОЗНОГО

В конце XX века в России нередко вспоминали смутное время начала XVII века. Несравненно меньше известен и меньше освещен период 1538-1547 годов. Он приходится на период детства Ивана IV, или боярского правления. Тогда завязались некоторые важные узлы последующих событий.

Отец и дед Ивана IV сделали все для того, чтобы страна преодолела пережитки феодальной раздробленности. Только это могло служить залогом безопасности России от ее западных, восточных и южных соседей. И все-таки местные князья и бояре не желали лишаться своей власти, ожидая благоприятного момента для того, чтобы заявить о себе во весь голос.

Уже своим появлением на свет будущий царь Иван Грозный был обязан... беззаконию. Василий III после долгого брака с Соломонией Сабуровой развелся, обвинив ее в бесплодии, плетью сломив ее сопротивление, и насильно постриг в монахи. По церковным законам и тогдашним обычаям разведенному мужу полагалось тоже последовать в монастырь. Но этого не произошло.

Василий III вступил в новый брак. Его избранницей стала красавица Елена Глинская, дочь выходца из Литвы, представителя русско-литовской знати. До 1385 года, когда по Кревской унии было создано польско-литовское государство, Ве-

ликое княжество Литовское было по составу населения литовско-русским, в котором преобладало православие и сохранялось язычество.

После заключения Кревской унии католическая Польша – ударный кулак Ватикана, нацеленный на Восток (что сохранилось и в последующие века), – стала проводить активную политику полонизации и перевода в католичество Литвы, в которую входили западнорусские, белорусские, украинские земли. Это встретило отпор со стороны местного населения, в частности феодалов, приезжавших на службу в Московскую Русь. Одним из них был отец Елены Глинской.

Скудость источников не позволяет судить, было ли и в какой степени влияние католичества на Елену. Возможно, не обошлось без этого. Во всяком случае, так или иначе Ватикан имел определенное отношение к большинству русских смут.

Вторая женитьба Василия III состоялась в 1526 году, но только через 4 года родился будущий грозный повелитель всея Руси. Согласно преданию, в этот день – 25 (12) августа 1530 года – на Руси гремели грозы, сверкали молнии, сотрясалась земля, бушевала непогода. Это дало основание одному из юродивых (которых считали наделенными даром пророчества) провозгласить, что родился великий ум.

Обрадованный отец воздвиг в честь новорожденного церковь Усечения главы Иоанна Крестителя. И это тоже стало суровым предзнаменованием. В русскую историю Иван IV

вошел не только как один из крупнейших монархов, но и как невиданный до него вдохновитель «усечения» многих голов.

Но вот что привлекает внимание. Развод Василия III сопряжен с одной исторической тайной, заставляющей подозревать, что у его сына Ивана был старший брат (по отцу). Через некоторое время после второй свадьбы Василия III поползли слухи, что насильно постриженная Соломония беременна. Одну из женщин, говоривших об этом при дворе, великий князь приказал высечь, но в то же время отправил своих дьяков в монастырь к бывшей жене, дабы навести справки.

Каков был результат сыска, нам неизвестно. Однако Василий III вскоре после развода сделал своей первой супруге щедрый подарок – целое село, а в 1526 году заложил церковь Святого Георгия. То ли по этой причине, то ли потому, что у великого князя действительно родился втайне сын, по Москве пошли слухи, будто Соломония родила сына Георгия.

Не исключено, что преемником Василия III мог бы стать именно Георгий. Тем более что после рождения Ивана прокатился слухок, что настоящим отцом его был Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. И это тоже весьма вероятно. Близость его к Елене Глинской была, можно сказать, у всех на виду.

Молодой Иван Федорович был с великокняжеской четой с первой их брачной ночи. Ему следовало наутро после брач-

ной ночи «колпак держать, с князем в мыльне мыться и у постели с князем спать». Доводилось ему, как считается, «спать» и с княгиней.

Согласно завещанию Василия III, власть переходила опекунскому совету при малолетнем Иване, в который не входила его жена. Это ее ни в коей мере не устраивало. Вместе с И. Ф. Овчиной она возглавила оппозицию, совершив по сути дела государственный переворот. Она ликвидировала опекунский совет.

Нарушение завещания великого князя положило начало череде придворных переворотов и острой борьбе фракций правящего класса. В этой обстановке прошло все детство Ивана IV.

Какова была судьба предполагаемого его старшего брата?

Согласно преданию, он исчез из Суздальского Покровского женского монастыря, где пребывала инокиня Софья (в миру великая княгиня Соломония). Ее сыну нельзя было ждать пощады от Елены Глинской.

По-видимому, Георгий был спрятан в одной из боярских семей. Его судьба остается загадочной (впрочем, и о его существовании достоверных сведений нет). Инокиня Софья умерла в 1542 году. Елена Глинская и ее любовник ликвидировали братьев Василия III. Один из них, Андрей Старицкий, был заточен в тюрьму. Там на него надели «шляпу железную» (русский вариант «железной маски») и вскоре убили.

В 1538 году последовала внезапная смерть Елены Глинской. Причины ее смерти не выяснены. Вполне возможно, что ее отравили. Затем оказался в тюрьме и ее любовник Иван Телепнев-Овчина, где он не задержался: был умерщвлен.

Власть попеременно переходила от одной боярской группы (партии) к другой. Острое соперничество Шуйских, Бельских, Глинских, Воронцовых вело к ослаблению государства, растущему недовольству в обществе.

В этот период складывались черты характера Ивана IV, некоторые его убеждения и предубеждения. До поры до времени он вынужден был скрывать свои чувства. «Остались мы сиротами, – вспоминал он, – а мать наша, благочестивая царица Елена, – столь же несчастной вдовой, и оказались словно среди пламени: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы – литовцы, поляки, крымские татары. Нагаи, казанцы...»

Особенно большую смуту вносили, по словам Ивана Грозного, изменники-бояре. Они даже решились отдать великому князю литовскому царские вотчины: Рагодошь, Стародуб, Гомель. После смерти матери Иван и его младший брат Юрий (Георгий) ощутили себя брошенными на произвол судьбы. Вот как он писал об этом князю Андрею Курбскому:

«Никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога, Пречистую Богородицу, на всех святых и родительское благословение. Было мне в то время восемь лет; подданные

наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них!...»

Конечно, таков субъективный взгляд на происходящее. Иван не упоминает о том, что во всех этих беспорядках была отчасти повинна и его мать. И с ее смертью они не завершились, а разгорелись с новой силой. Иванова душа была полна ненавистью к боярам, но он старался не показывать это, поскольку боялся за свою жизнь. Этот комплекс ненависти и страха породил, пожалуй, ту жестокость, которая стала свойственна ему в период самовластья.

«Нас же с покойным братом Георгием, – писал Иван Грозный, – начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, оперши локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит – ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз

мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне казне родительской? Все расхитили коварным образом... Взяли себе бесчисленную казну деда и отца нашего. О казне наших дядей и говорить нечего: все себе взяли. Потом они напали на наши города, и села, и имения, а в них живущих без милости пограбили...»

Вряд ли все в детстве и юности Ивана было так беспрочно. Однако именно эти унижения и обиды запали ему в душу. А детские впечатления, как известно, определяют многие черты характера и склад ума. На всю жизнь осталась в нем бессильная ярость, смешанная с испугом: вокруг враги лютые, беспощадные, глумливые; бояре готовы унижить, погубить, отравить его. Как противостоять им? Как отомстить недругам? Как укрепить свою власть?



Присяга. Гравюра XVI в.

Курбский на свой лад описал юные годы царя (да, Ивана IV, в отличие от его предшественников, венчали именно на царство; до него правители Руси назывались царями лишь иногда). Вот свидетельство Курбского:

«Воспитывали его великие, гордые бояре на свою и своих детей беду; они соперничали друг с другом, лаская всякой его страсти, угождая ему во всяком наслаждении. Когда же он стал приходить в возраст, лет около двенадцати, то прежде всего начал проливать кровь бессловесных животных, бросая их с крыльца на

пагубу. На пятнадцатом же году стал он и над людьми тешиться. Собравши около себя молодых юношей и сродников названных бояр, скакал он с ними на конях по улицам и рынкам, бил и грабил простых людей... Поистине творил он самые разбойнические дела и много всякого другого зла... Когда же достиг он семнадцатого года, то те же прегордые бояре стали подущать его на своих собратий...»

Возможно, недруг царя, опальный князь кое в чем сгустил краски. Но вполне допустимо, что и он, и сам Иван Васильевич сказали правду. Они показали две стороны одной медали: мальчика и баловали, и запугивали; приучали к распущенности, своеволию, непоследовательности и несамостоятельности в действиях, чтобы сделать послушной игрушкой в руках придворных.

Он быстро осознал, что рассчитывать надо прежде всего на самого себя, никому полностью не доверяя. Научился скрывать свои чувства и мысли, наблюдать за окружающими с подозрением; остерегаться измены и карать врагов беспощадно. И еще одно его убеждение: не следует давать возвышаться ни одному роду боярскому, дабы не поднялся он над самим государем.

16 января 1547 года в Успенском соборе ему возложили на голову царский венец, присланный, согласно преданию, византийским императором Константином Мономахом внуку своему Владимиру как знак высшей власти.

Вскоре состоялось то, что в наши дни можно было бы счи-

тать конкурсом «Русская красавица». Ставка была исключительно высока: победительницу царь выбирал в супруги; награда – титул царицы! Иван Васильевич выбрал из многих царских невест Анастасию, дочь умершего окольничего Романа Захарьина.

А в Москве было дурное предзнаменование: перед вечерней упал колокол. 21 июня этого же года в церкви Воздвижения на Арбате вспыхнул пожар. Было сухо и ветрено. Огонь быстро распространился по деревянным строениям. Выгорали целые кварталы. Пламя перекинулось на Кремль. В церкви Благовещения сгорел иконостас работы Андрея Рублева.

Страшный пожар унес тысячи жизней, в основном детей. Погорельцы, оставшиеся без крова, одежды и пищи, с отчаяния стали искать виноватых. Тут-то и был пущен слух, что Глинские – колдуны, что вынимали они сердца человеческие, держали в воде, а той водой кропили московские улицы – вот и выгорел город дотла.

Толпы обезумевших москвичей принялись убивать всех подозреваемых в колдовстве, прежде всего служивших у Глинских. Заколотили до смерти одного из братьев покойной царицы Елены. Подстрекаемые боярами, двинулись на село Воробьево, где находился царь. Хотели убить княгиню Анну Глинскую – бабушку царя и сына ее Михаила. Узнав об этом, молодой царь пришел в ужас. Угроза народного бунта особенно ясно показала, насколько он слаб и беспомощен.

Тут предстал перед ним монах Сильвестр и произнес гневную проповедь. Ссылался на знамения земные и небесные, предрекающие смертельную опасность для царя и всей Московской земли. Божья кара неминуемо грянет, и свергнет народ царскую власть, если не покается Иван Васильевич в грехах своих тяжких, ибо всему виной его пороки.

Юный царь был ошеломлен и растерян. Детские страхи нахлынули на него. Зарыдав, он стал истово каяться, прося у Бога прощения за свои грехи.

Толпа приблизилась к царской усадьбе. Верная стража дала залп из пищалей. Нападавшие в панике разбежались, оставив несколько убитых и раненых.

С этого момента царь во всем стал послушен монаху. Да и юная царица, имея характер мягкий и ровный, могла смирять порывы его гнева.

В это время царь Иван сблизился с незнатным и просвещенным Алексеем Адашевым. Вокруг них сложилась группа молодых образованных вельмож: князья Курлятов, Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Шереметевы, Горбатый... Тогда же впервые была созвана земская дума из выборных людей всей Руси.

Наступала пора нового правления, при котором самодержец имел опору на круг аристократов, не забывая при этом о существовании народной массы, того самого люда, который в конечном счете определяет, каким станет государство. И вот однажды после обедни молодой царь вышел на площадь,

заполненную народом, низко поклонился, покаялся и произнес:

«...Знаю, что нельзя уже исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей юности от пустоты и беспомоществамоего, от несправедливых властей, несправедливая, лихоимства и сребролюбия; но умоляю вас: оставьте друг к другу вражды и взаимные неудовольствия, кроме самых больших дел...»

Увы, даже самыми прекрасными речами и призывами, пусть даже на главной площади державы, общественную жизнь не наладишь. Но главное в данном случае – доброе устремление царя. Он не лукавил.



Царь и царица на бракосочетании. Гравюра XVI в.

Пока была жива царица Анастасия (она скончалась в 1560 году), Иван Васильевич правил разумно и успешно. Завоевал Казань, присоединил к своему царству новые земли, и хотя бывал порой жесток, не злоупотреблял казнями.

Во время тяжелой болезни написал завещание и потребовал от бояр присягнуть на верность младенцу Дмитрию, его сыну. Но несмотря на недомогание, он бдительности не терял, присматриваясь к поведению бояр. И убедился, что не все они ему верны.

Он все более тяготился постоянной опекой и советами

вельможных друзей. Да и среди них, по-видимому, не было согласия. Политику царь Иван IV проводил прежнюю: расширял границы державы на востоке и юге, пользуясь развалом Орды; развивал торговые отношения с западноевропейскими странами. И хотя Прибалтика оставалась вне его влияния, по северным морям был открыт путь в Англию. Безуспешная война с ливонцами в Прибалтике компенсировалась тем, что, покорив Астраханское ханство, Иван смог пойти на Крым.

Неограниченная власть, как это обычно бывает всегда и во всех государствах (и в отношениях между государствами тоже), способствовала развитию в нем самодурства, развращенности и жестокости, вере в свое особое, возвышенное над всеми положение среди людей. В то же время он с младенчества прочувствовал боль и скорбь своих близких, рано осознал неизбежность смерти и скоротечность бытия. Это пробуждало в нем темные злые силы; хотелось ему забиться в пьянстве и разгуле. Он словно сам поощрял свои безумные порывы, пытаясь выплеснуть накопленный с годами груз страха, ненависти, подозрений.

А вот что писал о нем академик Д.С. Лихачев: «Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый, мастер «кусательного» стиля, самодержец всея Руси, любивший игру в смирение, изображавший себя обиженным или приниженным, пренебрегавший многими литературными традициями ради единой цели: убедить

и высмеять своего противника, – таков Грозный в своих произведениях».

Этот царь был одним из самых талантливых, страстных, мудрых и остроумных писателей своего времени, обладал неповторимым блестящим стилем. А ведь стиль – это человек.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Есть искушение считать «бунташный», как называли современники, XVII век тяжелым наследием правления жестокого царя Ивана Грозного. Однако тот XVI век, в который ему довелось править, был одним из самых кровавых в Европе.

Общественно-политические катаклизмы начались в Германии. Раскол Реформации, потрясший католическую церковь, перешел в крестьянскую войну. Во Франции пролились реки крови в междоусобных гугенотских войнах. Испания была подавлена террором инквизиции; сатрап Филиппа II герцог Альба зверствовал в Нидерландах, подавляя освободительную революцию.

На фоне подобных событий жестокости Ивана Грозного бледнеют. Хотя только у нас его по справедливости называли не Жестоким, а Грозным. Кстати, на Западе его называют иначе. Например, в Англии – Terrible, что означает «ужасный», «страшный» (от латинского «terror», ставшего синонимом тирании, угнетения и уничтожения людей). Так же его величают во Франции, Испании, Германии.

В книжке Р. Конквиста «Большой террор» сопоставляются злодеяния Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Как видим, западные авторы актуализируют события далекого прошлого, придавая им современное звучание и, добавим, делая это

на свой лад, ради утверждения своих политических целей, а вовсе не для поиска истины.

В России происходит нечто подобное. Перекликаясь с западными коллегами, профессор А.М. Сахаров в учебнике для ВУЗов («История СССР...», М., 1983) сделал вывод-приговор: «На века имя Грозного оказалось связанным с представлением о диком разгуле террора. Опричнина стала нарицательным обозначением крайнего беззакония, произвола, массового истребления неповинных людей».

За 120 лет до выхода этого учебника в Великом Новгороде был воздвигнут памятник Тысячелетия России. На нем запечатлены образы ста девяти крупнейших деятелей страны. Иоанну IV, одному из создателей великой державы, места среди них не нашлось. Причина проста: потомки-гуманисты не пожелали чтить великого злодея. (Тут впору еще раз подчеркнуть: в русском народе он остался как Грозный, а не Жестокий или Злодейский.)

Некоторые дореволюционные авторы не скупились на самые мрачные краски, когда речь заходила об этом царе. Н.И. Костомаров писал: «Кровь разлакомила самовластителя; он долго лил ее с наслаждением... напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно мы пытались бы создать для него образ демократического государя».

Странно звучит ссылка на «демократического государя»

применительно к царю конца Средневековья. Где же в ту пору можно было найти пример такого правителя-демократа? Даже в тогдашней Швейцарии в период духовной власти Кальвина практиковались жесточайшие и порой ничем не оправданные казни, царил террор.

Вот современники нашего Грозного самодержца: французский король Карл IX, английский – Генрих VIII, испанский – Филипп II. Не с них ли следовало брать пример «варварской» России?

Сравнительный анализ показывает, что по части массовых убийств и террора западные государи значительно превосшли нашего отечественного царя.

При опричнине за 8 лет было убито 3-4 тысячи человек. Цифра внушительная. Но как скромно выглядит она по сравнению с теми жертвами, которые приходится на страны Запада.

Карл IX лично участвовал в Варфоломеевской резне, когда за двое-трое суток было убито в одном Париже вдвое больше людей, чем за всю опричнину в России! И что же, содрогнулся французский король, ужаснулся содеянным, раскаялся? Как бы не так! В последующие две недели во Франции было уничтожено около 30 тысяч человек, виновных лишь в том, что они были христианами-гугенотами (протестантами), не признававшими папу римского наместником Бога на земле.

При Генрихе VIII в Англии крестьянские угодья ради вы-

годы имущих власть и деньги превращали в овечьи пастбища. Тысячи английских крестьян, потерявших свои наделы, вынуждены были бедствовать и скитаться. Тогда Генрих постановил казнить всех бродяг. Вдоль дорог поставили виселицы, на которых было повешено 72 тысячи бедняков. Это ли не террор?

Испанский король Филипп II в завоеванных Нидерландах казнил более 100 тысяч человек. Примерно столько же крестьян погибло в Германии во время восстаний бедноты. Ну, а что касается еретиков и ведьм, то их в Западной Европе вешали, топили и сжигали заживо, порой десятками в день. Общее число казненных таким образом оценить трудно. Считается, что были погублены сотни тысяч человек.



Резня в Варфоломеевскую ночь

«И все же, – писал известный историк и литературовед В.В. Кожин, – как это ни странно и даже поразительно, и в русском, и в равной мере западном сознании Иван Грозный предстает как ни с чем не сравнимый, уникальный тиран и палач... Сей приговор почему-то никак не колеблет тот факт, что количество западноевропейских казней тех времен превышает русские **НА ДВА ПОРЯДКА, В СТО РАЗ**; при таком превышении зловещий лик Ивана Грозного должен

был вроде бы совершенно померкнуть рядом с чудовищными ликами Филиппа II, Генриха VIII и Карла IX».

Представителей Западной Европы (к ним добавилась и Америка), хулящих Ивана Грозного, понять нетрудно: их цель – максимально унижить Россию, представить ее «империей зла», при этом замалчивая собственные значительно более тяжкие грехи и преступления.

Трудней понять наших соотечественников. Некоторые из них стараются быть или казаться радателями за демократию и гуманизм. Конечно, очень важно подмечать недостатки своей страны. Но не менее важно быть справедливым. Недопустимо невольно или умышленно лгать о числе жертв террора в России (так же как и ее преемнике – СССР). Не случайно же эти люди в 5, а то и 10 или 20 раз преувеличивают количество репрессированных и расстрелянных при Сталине, да еще ссылаются на «традицию», якобы идущую со времен Ивана Грозного.

Так дела давно минувших дней, свершавшиеся на исторической арене, превращаются в средство современной политической борьбы.

В сборнике биографий «Все обо всех» (Центр гуманитарных исследований при факультете журналистики МГУ, 1996) сказано: «Иван Грозный оставил по себе недобрую память, несмотря на то, что при нем положение России укрепилось, а границы ее расширились». (То же самое можно сказать и о Сталине!) Не в этом ли одна из главных причин

упорного очернения образа первого царя всея Руси? Приведенную фразу следовало бы чуть изменить: Иван Грозный оставил по себе недобрую память у недоброжелателей и врагов России, ибо при нем положение державы укрепилось, а границы ее расширились. Однако это вовсе не служит оправданием его жестокости и самодурства. Он яростно сражался за единство и величие России, но при этом нередко проявлял ничем не оправданную свирепость, кровожадность. Возможно, их породили те психологические «комплексы», которые сформировались в нем в детские годы. Однако нельзя забывать и о том, в какую эпоху он правил.

Личность государя не только проявляет себя в истории, отчасти – в некоторые периоды существенно – влияя на исторический процесс. Сама эта личность – продукт соответствующей исторической обстановки и складывается в зависимости от окружающей среды.

Надо иметь в виду, что последний период Средневековья, так называемое Возрождение, в Европе (включая, конечно, и Россию, которая тогда была сугубо европейской, а не евразийской страной, да во многом такой и осталась) был временем не столько даже просветления, сколько брожения умов и всяческих смут. Можно сказать, что страны мучительно преодолевали сковывавшую их скорлупу Средневековья. Начался переход к так называемому Новому времени.

Если уж мы имеем основания полагать, что в истории России роковую роль сыграл маленький прыщ, вскочивший на

ноге Василия III, перешедший в язву, преждевременно сведшую его в могилу, то почему бы нам не учесть и всеевропейские масштабы, особенности XVI и XVII веков в самом общем виде?

Трагический узел русской истории, приведший к великой смуте, завязался еще при малолетнем царе Иване IV. Уже тогда началась малая смута. Россия попала фактически под власть, как теперь принято говорить, олигархов (в период большой смуты это было оформлено и юридически – крестоцеловальной грамотой царя В.И. Шуйского).

Упрощая, можно сказать, что в борьбе за власть вольно или невольно столкнулись две основные позиции: централизованная и децентрализованная. Одних заботило прежде всего (и не без личного интереса) укрепление Русского государства под самодержавным управлением. Другим была выгодна разобшенная Русь под властью местных государей, продолжающая средневековые традиции.



Иван IV

Существует и проблема средств. Каким образом следует добиваться своей цели? На этот вопрос во времена Ивана Грозного для самодержца едва ли не во всех странах мира ответ был очевиден: любыми способами, когда речь идет о существовании своего государства. Жизнь человеческая при этом считалась средством, а не целью, как стали доказывать мыслители-гуманисты более поздних времен.

Многие историки XIX и XX веков не принимали это во внимание. Для них категорический императив Канта стал действительно критерием для всех времен, народов и даже для жителей иных планет (как считал сам великий философ). Хуже всего, когда это превращается в пропагандистскую защиту «прав человека» и применение категорического императива для самых низменных политических целей, по отношению только к своим противникам, но не к сторонникам и не к собственным странам. Оценивая события русской истории XVI века по этому критерию, историки словно и не ведают, что в ту пору творилось в государствах Западной Европы.

Такой подход стал традиционным едва ли не для всех «демократически-либерально» настроенных историков. Даже такой уважаемый специалист как американский профессор, сын В.И. Вернадского, Георгий Владимирович Вернадский считал, что Иван IV в 1549 году прочитал две петиции Пересветова, которые доказывали благо самодержавия и сильного централизованного правительства, и они произвели на него сильное впечатление. А потому, «когда одиннадцать лет спустя он освободился от влияния Сильвестра и Адашева, то действительно превратился в ужасного самодержца в духе Пересветова».

Судя по всему, для Г.В. Вернадского (он покинул Крым вместе с белогвардейцами, «демократами», хотя в Гражданской войне участия не принимал) самодержавие само по се-

бе, вне исторического контекста представлялось злом (вспоминаются аналогичные убеждения Костомарова). Вдобавок историк явно преувеличивал воздействие идей Пересветова на царя. Правители слишком редко прислушиваются к мыслителям.

Логичней предположить, что царь Иван и Пересветов были единомышленниками, а идея самодержавия была актуальна для той эпохи в России.

УМОНАСТРОЕНИЯ

Долгий период феодальной раздробленности и власти многочисленных местных владык завершился кризисом, междоусобицами, остро поставившими вопрос о сильном государстве. Пример такой общественной структуры России показала завоевавшая ее Орда: она легко овладела разобщенными русскими княжествами, но столь же легко лишилась приобретений, разделившись на обособленные ханства. Однако идея сильного государства под владычеством самодержца пришла в Россию с Запада. И писал об этом Ивану IV мелкопоместный дворянин, находившийся на воинской службе в Молдавии, Венгрии, Польше и приблизительно в 1539 году прибывший в Москву из Литвы, Иван Семенович Пересветов. Идеи его созвучны представлениям о государстве и государе Никколо Макиавелли. Такое сходство нельзя считать случайным. Даже если Пересветов не читал трудов Макиавелли, он должен был знать о них от своих друзей или знакомых.

Макиавелли, умерший в 1527 году, был современником возвышения и падения Флорентийской республики, постоянных конфликтов множества мелких итальянских государств, нашествий иноземцев. Он ясно осознал, что в трудное для страны время спасти ее способна только сильная централизованная вла сть.

Его общий вывод можно, пожалуй, считать одной из важнейших закономерностей в жизни общества: республиканское правление (демократическое) наиболее целесообразно в периоды социального благополучия, развития торговли, мирного существования, когда отдельные мелкие княжества могут соревноваться между собой в области культуры, взаимовыгодно сотрудничать.

В трудные же времена, при серьезных угрозах извне или войнах, а тем более – внутренних неурядицах и конфликтах, когда требуется консолидация сил, наиболее целесообразно единовластное управление. Это особенно ясно видно при ведении боевых действий. Тогда единое руководство совершенно необходимо. То же относится и к мирному времени в кризисных ситуациях.

В конце Средневековья во многих странах сложилась ситуация, требовавшая единовластного управления государством. При этом, как подчеркивал Макиавелли, предпочтительнее преемственность власти, которая «заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам».

Справедливость этого суждения полностью подтвердилась в период «большой смуты» на Руси.

Но создать единое государство – еще полдела. Надо удержать единовластие. Для этого проницательный прагматик Макиавелли предлагал использовать любые средства:

«Пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот; выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность».

И дальше: «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости». Это, конечно, не призыв к жестокости, а реалистический взгляд на вещи. Макиавелли выступает здесь не как моралист или лицемер, а как последовательный и трезвый государственный деятель, прекрасно знакомый с нравами своего времени.

«Излишне говорить, — пишет он, — сколь похвальна в государе верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, когда нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность».

Вот тут и начинаются расхождения Пересветова с флорентийским мыслителем. У Пересветова образ самодержца идеализирован. По его мнению, разумное государственное правление строится так: гласный суд, достойное жалование судьям из казны, смертная казнь провинившимся судьям; все доходы царства должны идти в государственную казну, а

уж оттуда раздаваться достойным людям. «Царь на престоле своем – благодать Божья и мудрость великая, а к воинам своим щедр, как отец к детям». Как видим, речь идет о крепком централизованном государстве, военизированном, с «национализированной», как мы сейчас говорим, экономикой при строгом контроле и справедливом суде.

Понятие о правде-справедливости стоит у Пересветова на первом месте. «Вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, – писал он, – а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, потому что Богу лгут и государю».

Однако для Пересветова ясно, что не следует держать людей в рабском повиновении: «Порабощенный человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, а речет так: однако если холоп, иного мне имени не прибует...»

Мысль верная. Рабы могут стать хорошими гладиаторами, но не воинами, ибо не станут отдавать жизнь за поработившее их государство. В связи с этим следовало бы задуматься о том, как ныне, в конце XX – начале XXI века, нередко толкуется победа советского народа в Великой Отечественной войне: мол, порабощен был русский народ сталинским режимом, подавлен большевистским террором, оттого и пошел (заставили силой!) сражаться с фашистами, жизнью своих не

жалея... И самое удивительное и страшно е, что в новых поколениях эта омерзительно лживая иде йка находит по рой благодатную почву. Вспомним, как воюет американское наемное войско. Оно избегает встречаться с противником лицом к лицу. Тот, кто сражается ради денег, кто поработен экономически, более всего страшится потерять жизнь, для которой и требуются деньги. И если при монархиях господствует политический тоталитаризм, то в демократиях царит жесткий тоталитаризм экономический. Один, как говорится, другого стоит.



Иван Грозный. Реконструкция М.Герасимова

Пересветов высказывался на этот счет определенно, хотя и в идиллической надежде на то, что в государстве будут созданы такие условия, чтобы люди служили справедливому царю не за страх и не из выгоды, а за совесть: «Которая земля порабощена, в той земле все злое сотворяется, татьбы (кра-

жи, грабежи), и разбой, и убийство, и обида, и всему царству оскудение великое».

Обращаясь к Грозному царю, Пересветов задает опасный вопрос: «Таковое царство великое, сильное и славное и всеми богатое, царство Московское, а есть ли в том царстве правда?» Ответ следует отчаянный: «Вера христианская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет».

Пересветов имел в виду справедливое устройство общества, где творится честный суд и пресекаются злодейства и злоупотребления местных властей, где государь награждает подданных по заслугам, где не богатство и праздность, а честь и доблесть руководят людьми, где нет рабов. Такова, можно сказать, русская мечта и надежда. «В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимается Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда – сердечная радость, а царю – великая мудрость и сила».

Мечта о справедливости достигает у Пересветова предельной высоты: «Коли правды нет, то всего нет!»

Трудно судить, в какой мере подобные взгляды могли повлиять на молодого Ивана IV. Для нас важно то, что они существовали в обществе и, скорее всего, пользовались популярностью среди тех молодых просвещенных вельмож, которые окружали в ту пору царя. А в народе идея самодержавия, крепкой государственной власти была прочно связана с

представлениями о справедливости.

Но почему же Иван IV стал не только Грозным, но и чрезмерно жестоким, несправедливым? Неужели по той причине, о которой афористично высказался Ключевский: всякая власть развращает, а власть абсолютная развращает абсолютно? Но ведь и при абсолютизме встречались государи просвещенные и гуманные. Кстати сказать, если Грозного нельзя назвать самым гуманным, то он определенно был одним из наиболее просвещенных монархов своего времени. Что же заставило его отступить от тех принципов, которыми он руководствовался в первые годы своего славного правления?

По нашему мнению, его сильно потрясла смерть молодой жены. Эта причина очевидна, хотя и не все историки принимают ее в расчет. Так, Н.И. Костомаров отметил: «Обыкновенно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу; действительно, на ее погребении он казался вне себя от горести и, спустя многие годы после ее кончины, вспоминал о ней с нежностью... А между тем, как бы освободившись от семейных обязанностей, предался необузданному разврату: так не поступают действительно любящие люди».

Нет, конечно же, так вполне могут поступать истинно любящие. Бывают, они кончают жизнь самоубийством. Но в других случаях они завершают один период своей жизни и переходят в другой – либо чрезмерно смиренный, либо чересчур свирепый, буйный. Потому что они теряют веру в справедливость высшую, а значит и земную, испытывают со-

мнения в смысле жизни, а тем более благодетельной. Ведь постигла их несправедливая кара судьбы...

То, что справедливо для одного человека, нередко бывает справедливым и для общественного сознания (или, можно добавить, для коллективного бессознательного). Когда люди теряют веру в установленный порядок, в правду-истину, они пребывают в растерянности и способны на крайние поступки. Это обстоятельство не только сопутствует смутным эпохам, но отчасти их предопределяет.

Большая смута не возникает без большого смятения в умах и вере.

Православная церковь в средневековой Руси играла важную роль не только в духовной жизни, но и в политике, экономике, даже в освоении новых земель. Церковь, став крупной и авторитетной организацией, вынуждена была заботиться о своем материальном благосостоянии. На этой почве столкнулись два основных течения: нестяжателей, вдохновляемых идеями Нила Сорского, и иосифлян, сторонников Иосифа Волоцкого. Первые стояли за строгую аскетичную церковь, оплот духовности, пример самоотречения. По словам преподобного Нила, «лучше бедным помогать, чем церкви украшать».

В своих помыслах, поучениях и деяниях Нил Сорский был предельно близок к христианским идеалам. Он подчеркивал принцип свободы воли и разума: человеку могут приходить на ум разные мысли, в том числе греховные. «Раз-

ве одни совершенные и восшедшие на высокую ступень духовной жизни могут пребыть непоколебимыми, и то на время...» — считал он. Дальнейшее зависит от выбора самого человека, когда он добровольно может попасть в «рабство греху».

Иосиф Волоцкий выступил с предложением укреплять православную церковь не только духовно, но и материально, не лишать ее земельных наделов. Сторонники нестяжательства вступали нередко в острую полемику с иосифлянами. В этой борьбе проглядывала и политическая подоплека: ослаблять или укреплять связь церкви с государством, содействовать или противодействовать феодальной раздробленности. Но и Нил Сорский и Иосиф Волоцкий обошлись без острых противоречий и споров, сознавая необходимость укрепления православия не только идеологически, но и материально. Наиболее очевидное расхождение касалось отношения к еретикам: Иосиф призывал злостных отступников казнить, а Нил напоминал о милосердии. (Еще раз подчеркнем, что на Руси казни еретиков по своим масштабам не шли ни в какое сравнение с массовым истреблением инакомыслящих в Западной Европе.)

И в этом случае Нил Сорский имел в виду идеал, заповедь Христа не отвечать злом на зло. Иосиф Волоцкий исходил из реальной ситуации, когда приходится отступать от идеала и сурово карать немногих отступников, защищая интересы общества, государства, церкви.

Не случайно на соборе 1503 года Нил согласился с Иосифом, на конкретных примерах показавшим, что монастыри на свои средства поддерживают нищих и странников; производят или покупают свечи, хлеб и ладан; распространяют грамотность и знания. Во время голода Волоколамская обитель, например, спасла от смерти многих бедствовавших. Объективно позиция Иосифа Волоцкого и его сторонников способствовала укреплению самодержавия, русской государственности.

Это особо подчеркивал крупный русский философ XX века Н.А. Бердяев: «Иосиф Волоцкий – представитель православия, обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего императорским православием». Развивая эту мысль, Бердяев выдвинул обвинение: «Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы... Иосиф Волоцкий – роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства».

Странным образом Бердяев не учитывал, что и недруги Иосифа были вовсе не безропотными агнцами, непротивленцами. Они пользовались немалым влиянием в боярских, княжеских, церковных кругах, умея при случае добиваться казни своих противников. Это была пора не теоретических дискуссий, а настоящей «информационной войны» с использованием репрессий. Оправдывая свои дей-

ствия, Иосиф ссылался на Ветхий Завет: мол, сам всемогущий Бог порой прибегает к «прехищрению и коварству». В своем труде «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» преподобный, в частности, отстаивал одно из очень важных положений, относящихся к философии истории: «Не всякая власть – от Бога; бывает и от дьявола». Если царь подвержен скверным страстям и грехам (сребролюбию, гневливости, лукавству, гордыне, неверию) и обращает их против подданных, то «таковой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель». Со временем Иосиф Волоцкий стремился содействовать единению русских земель под единовластием царя Московского. Он утверждал: «Суд царя никем уже не посуждается». Это уже была доктрина самодержавия.



Иосиф Волоцкий

Старец Филофей (ок. 1465-1542), игумен псковского Елизарова монастыря, провозгласил – «Москва – Третий Рим»: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Московское царство называлось преемником Византии не только в православном, но и в политическом отношении.

Идея великой православной державы Третьего Рима не просто помогала государственному строительству, но и создавала ему мощную духовную опору. Она вдохновляла на создание мировой сверхдержавы и оказалась поистине пророческой на несколько последующих столетий.

Казалось бы, все благоприятствовало становлению самодержавия на Руси. Сохранялась и преемственность власти, и великие князья московские были достойными правителями, понимавшими необходимость и возможность объединения, чему старались содействовать и влиятельные лица православной церкви. Однако в то же время под прикрытием нестяжательства многие бояре и князья стремились не просто разрушить единение церкви и государства, но и укрепить собственную власть на местах, обогатиться за счет монастырских владений.

Кроме того, усиливалось недовольство крестьян, которым в годы неурожаев и войн приходилось испытывать огром-

ные тяготы и страдать от самоуправства местных владык. Грянувшая в Центральной Европе, а затем потрясшая всю католическую церковь Реформация содействовала свободомыслию. Идеи протестантизма в том или ином обличье стали проникать и в русское общество.

Феодосий Косой – беглый холоп, монах и еретик XVI века, например, поучал, что Иисус Христос был праведником и пророком, а не Богом, ипостасью Троицы. Он задавал каверзные риторические вопросы: зачем Богу воплощаться в человека, если Он и без того может сотворить все желаемое своим единым словом? Возможно ли Богу родиться от женщины, как простому смертному? Разве не мог послать Он людям человека? Изменилось ли что-либо у людей после пришествия Христа? Разве стали они лучше жить, меньше грешить, враждовать и воевать?

Подобные вопросы тем более смущали людей, поскольку в середине XVI века положение крестьян на Руси было тяжелым: налоги росли, а летом 1552 года голод и эпидемии унесли сотни тысяч жизней.

Со времен первохристиан, по словам Феодосия Косого, церковь все более отдалялась от учения Христа. «Епископы и попы – ложные учителя, идольские жрецы и маньяки... Живут попы и епископы не по Евангелию, ложному учат, имения себе забирают, едят и пьют много».

Показательно, что когда Феодосия Косого арестовали в 1554 году, он смог убежать из-под стражи и укрыться за гра-

ницей. Его успешный побег объясняется, по-видимому, тем, что он пользовался немалой популярностью в народе, иначе его содержали бы в строгости, а в случае побега быстро бы выдали.

В Литве Феодосий продолжал проповедовать свое учение, оставил монашество, женился на литовской еврейке, тем самым как бы подтвердив свою причастность к ереси жидовствующих. Но в своих воззрениях он был прежде всего максималистом анархического толка, провозглашая полную свободу личности от любых видов насилия. Ему были одинаково близки и единобожие иудаизма и ислама, и светлый образ Христа (но не Бога, а святого человека), и его заповеди.

Пример Феодосия Косого показывает, что в русском обществе в XVI веке бытовали идеи свободомыслия, отвергающие всякие притязания на власть со стороны церкви и государства. Это создавало благоприятные возможности для «брожения умов» и наступления смутных времен. Последнее потребовало, естественно, и целый ряд дополнительных предпосылок, хотя идеологические, духовные являлись одними из определяющих.

ВЛАСТЬ ОЛИГАРХОВ

Детство Ивана IV прошло при власти олигархов. По своим титулам и положению в обществе их можно было бы называть аристократами. Со времен Древней Греции аристократическое правление считалось благом для страны как власть наилучших («аристос» по-гречески наилучший).

Однако феодальная знать на Руси, да и в остальной Европе, не относилась к числу наиболее честных, справедливых или образованных людей. Они обладали поместьями, землями, богатствами и были озабочены прежде всего сохранением и упрочением своего положения.

Они были олигархами (от греческого «олигос» – немногий, незначительный), а потому и устанавливали олигархическое правление, ориентированное на их собственные интересы.

Небольшое отступление. Вольно или невольно древние греки отделяли аристократию от олигархии. По сути получается, что олигархия – это не только власть немногих, но и незначительных, недостаточно пригодных для власти над государством. Само понятие «олигос» во многих случаях несет негативный оттенок; достаточно вспомнить такие понятия, как «олигеммия» (недостаток крови) или «олигофрения» – недостаток ума.

Олигархическое правление неизбежно сопряжено с борь-

бой кланов, семей, групп. Начинается нескончаемый дележ «государственного пирога», богатств страны. Интересы народа и государства при этом отходят на задний план, если вообще принимаются в расчет. Нередко преимущества получают те, кто имеют поддержку извне, от влиятельных иноземцев или государств. Сознательно подрывается авторитет центральных государственных структур.

Корыстные олигархические кланы Глинских, Бельских, Шуйских, Воронцовых не только растаскивали, расхищали богатства страны, но и ослабляли ее обороноспособность, внешнеполитические позиции перед лицом сильных врагов: крымских татар, Казанского и Астраханского ханств, Польши и Ливонского ордена.

Тогдашние олигархи (в отличие от некоторых нынешних) не были тесно связаны с внешними антирусскими силами, хотя объективно играли предательскую роль. Впоследствии их наследники в Смутное время (тушинцы, семибоярщина) вступили в открытый союз с врагами Русского государства.

Впрочем, и тогда, в первой половине XVI века, у них были предшественники.

Так, Семен Бельский бежал в Польшу и стал выполнять поручение польского короля Сигизмунда Августа: натравливать крымских татар на Русь. С этой тайной миссией Бельский обосновался в Бахчисарае, столице Крымского ханства, и строил козни против своей родины.

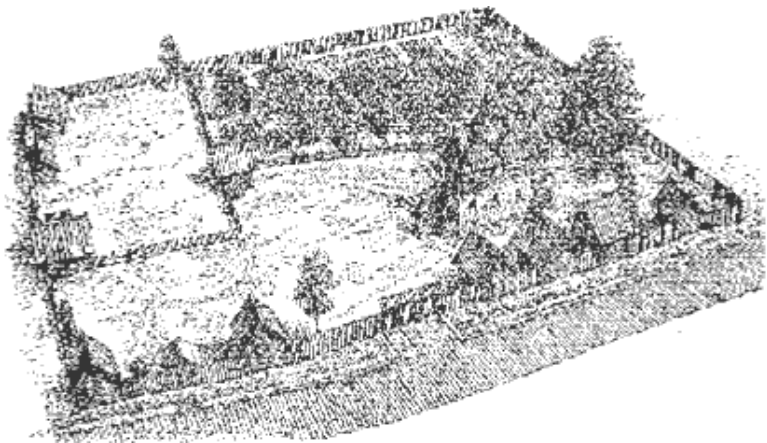
Осенью 1540 года Бельский писал польскому королю, что

ему удалось предотвратить поход крымчаков на Литву, направив их против Москвы. Не исключено, что предатель преувеличивал эти свои заслуги, но важен сам факт его активных действий против Руси. Сигизмунд поблагодарил своего «верного и доброго слугу», прислав ему денежное вознаграждение (королева присовокупила и свой дар).

В июле следующего года Бельский отчитывался перед своим благодетелем, что действовал «не жалея горла своего, чтоб только оказать услугу вашей королевской милости». Писал, что три раза поднял нагаев на Москву, натравил на нее крымского хана, «воспленил, воспалил, вывел людей, вынес добро, вред большой наделал, города побрал, выпалил, выграбил».

Крымский хан Саип-Гирей, его креатура казанский хан Сафа-Гирей опустошали Русь до Костромы и Муромы. И способствовал этому русский князь Семен Бельский.

А в 1539, 1540 и 1541 годах гнал этих захватчиков, грабителей и насильников с русских земель, возвращая награбленное и освобождая пленников, царевич Шиг Алей – глава изначально союзных Руси касимовских татар, «инородцев», как их презрительно называли до Октября 1917 года. Хотя, как известно, немало русских дворянских родов имело татарские корни.



Усадьба московского феодала XVI в. (Реконструкция)

Инженер и архитектор Петр Фрязин, потомок итальянских зодчих, участвовавших в строительстве Московского Кремля, после смерти Елены Глинской бежал в 1538 году за границу. На допросе в Ливонии объяснил мотивы побега так: «Как великого князя Василья не стало и великой княгини, а государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь... В земле Русской великие мятеж и безгосударство» (отрывок из розыскного дела о побеге за границу Петра Фрязина).

Сам Иван Грозный выделил следующие основные черты смутного периода своего детства:

1. Использование олигархами малолетнего сироты, высту-

пающего в роли царя, для своих целей, словно царство вовсе не имеет государя («подвластным нашим хотение свое улучшившим, еже царство безо владетеля обретоша»).

2. Захват олигархами – княжатами и боярами – власти в свои руки («свое хотение во всем улучиша и сами убо царьствовати начаша»).

3. Борьба между олигархическими кланами ради богатства и власти («сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга»).

4. Разгром централизованного государственного аппарата («кашко бояр и доброхотных отца нашего и воевод избивша»).

5. Захват земельных наделов, деревень, имений («дворы, и села, и имения... восхитиша и водворяшия в них»).

6. Расхищение государственной казны, финансов («Что же убо о казнах родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением»).

Мы имеем дело, в сущности, с общей характеристикой едва ли не всех смутных периодов отечественной истории, которые прямо или косвенно были сопряжены с попытками введения олигархического правления. В далеком прошлом это была боярская олигархия. Она духовно травмировала смутами не только маленького Ивана IV, но и Петра I, а позже возродилась в период дворцовых переворотов в виде «затейки верховников».

Позже олигархия была уже не боярской и возглавляла раз-

личные части расколотого Белого движения (порой под иноземным патронажем, как это было с адмиралом Колчаком) в 1917-1920 годах. А уже при советской власти партийные олигархи КПСС бросили великую державу в хрущевскую слякоть и брежневское болото, а позже довели до полного развала.

Однако вернемся в XVI век. Публичные казни и тайные убийства, аресты и высылки из Москвы стали обычными для этого времени. Центральные государственные структуры утрачивали свое значение. Ослаб контроль над регионами. Возглавлявшие их наместники усилили свой произвол, пользуясь благоприятным моментом: «свирепи аки лове, а людие его, аки зверие, дивии до крестьян». Неудивительно, что начались крестьянские восстания.

Из-за неурожаев в городах росли цены на хлеб. Частые и губительные для деревянных построек пожары добавляли горя бедноте – «черным людям». Так московский пожар 1547 года, начавшийся 21 июня на Воздвиженке, вскоре охватил тысячи строений: «потече огонь яко молния».

Дым заполонил Кремль, и митрополит Макарий чуть не задохнулся в Успенском соборе. Его вывели через потайной ход к Москве-реке, но и там «бысть дымный дух тяжек и жар велик». Владыку обвязали наспех веревками и стали спускать к воде, да веревки оборвались. В конце концов чуть живой Макарий нашел спасение в Новинском (Новодевичьем) монастыре. А в Кремле грохотали взрывы и рушились стены

в тех местах, где хранилось «зелие пушечное». В городе была паника. Испуганные кони вырывались из конюшен, сбивая на своем пути бегущих в дыму людей. За 10 часов пожар истребил основную часть города.

Несчастные люди бродили по пепелищу в поисках пищи и какого-нибудь добра. У многих помутился рассудок («восколебашеся аки юроди»). И неудивительно, что через несколько дней вспыхнуло восстание, Москва оказалась в руках «черных людей», и они решились даже пойти вооруженной толпой к молодому царю Ивану IV, находившемуся в селе Воробьево.

Как вспоминал позже Иван Грозный, вид возмущенной толпы привел его в ужас: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя».

В древности во многих странах стихийные бедствия связывались с гневом Божиим, указывающим на несправедливость высшей власти. Но русский царь еще был молод и нетвердо держал бразды правления в своих руках. Недовольство бедноты могло быть направлено и на олигархов того времени. Однако они оказались предусмотрительными и пустили слух, что пожар вызван колдовством бабки царя Анны Глинской.

Есть предположение, что наиболее активно действовали при этом бояре Романовы, сыгравшие столь важную роль в XVII и последующих столетиях, потомки прусских князей, бежавших на Русь от насильственной германизации (позже

благодаря династическим бракам превратившихся практически в чистых германцев по крови). У них были прочные связи с московским торгово-ремесленным посадом, особенно с его верхами. Им представился удобный случай разделиться с влиятельными Глинскими, что они и сделали.

Из-за страшного пожара и народного бунта Иван IV испытал сильнейшее потрясение. Ведь прошло всего несколько месяцев с тех пор, как он был венчан на царство, став первым царем на Руси. Новый титул был выше, чем у монархов-соседей и королей. И вот Иван на личном примере убедился, что от величия до падения, от любви народной до ненависти – один шаг. То, что ему удалось избежать беды, можно было трактовать как перст судьбы, подтверждение свыше его права на власть. Но была одна тайна, которая давала повод усомниться в этом.

Вспомним судьбу первой жены Василия III Соломонии Сабуровой и слух о ее сыне не от кого-нибудь, а именно от царя. Да и рождение самого Ивана IV – история темная. Ведь если верить слухам о связи его матери Елены с князем Иваном Овчиной-Телепнево-Оболенским, то получается, что Иван IV царь-самозванец, а законное право на престолонаследие по крови имел неведомый Георгий.

Подобные слухи и предположения подготавливали почву для последующей эпохи самозванцев и общей смуты.

В связи с этим упомянем о двух событиях, разделенных четырьмя столетиями. В 1566 году, согласно помете, сделан-

ной дьяком на описи Царского архива, Иван Грозный затребовал к себе документы по делу первой жены Василия III и не вернул их, оставив в своем личном тайном архиве. Вероятно, это произошло неспроста, и загадка возможного претендента на трон мучила или во всяком случае интересовала царя. Он желал выяснить судьбу своего предполагаемого брата по отцу (если отец Ивана – Василий III!).

В 1934 году директор Суздальского краеведческого музея А.Д. Варганов добился разрешения вскрыть детское погребение в усыпальнице суздальского Покровского монастыря, неоднократно посещавшегося Грозным. Эта детская гробница находилась рядом с погребением Соломонии Сабуровой, и официально считалось, что в ней находятся останки дочери царя Василия Шуйского. Однако устное предание связывало могилу с именем сына Соломонии и Василия III.

В погребении оказались остатки одежды и тряпки и даже не было и следов костяка. Исчезнуть он не мог. Да и для грабителей могил (о которых, впрочем, ничего не свидетельствовало) не представлял никакого интереса. Таким образом был установлен факт ложного погребения. Находки были переданы в отдел реставрации тканей Государственного исторического музея, без упоминания обстоятельств и места находки.

Отреставрированная одежда, как выяснилось, была рубашечкой мальчика 3-5 лет, жившего в первой половине XVI века и принадлежавшего к знатному роду. Это позволяет

предположить, что у Соломонии действительно был сын и что его тайно вынесли из монастыря и скрыли, а для обмана властей устроили ложное погребение.

Но молва называла подлинным отцом Ивана IV любовника великой княгини Елены – Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. Это обстоятельство играло немалую роль в претензиях на власть со стороны бояр-олигархов. Вряд ли случайно умирающий Василий III не включил в регентский совет при малолетнем Иване свою жену-царицу. Это и послужило причиной переворота, совершенного Еленой и князем Овчиной, ареста членов регентского совета, уничтожения братьев Василия III, после чего последовало (по-видимому) отравление царицы Елены и убийство князя Овчины.

Олигархам было выгодно распространять слухи о сомнительности прав Ивана IV на трон и о возможном более достойном претенденте. По мнению И.Е. Забелина, слух о рождении Георгия «есть крамольная попытка внести смуту в государеву семью и в государство, первая попытка поставить самозванца».

Возможно, точнее было бы сказать о подготовке общественного мнения для восприятия самозванца как полноправного государя. Это была мина замедленного действия, подложенная под трон. В надлежащий момент она могла сработать.

1 марта 1553 года царь внезапно тяжело заболел. Его противники с трудом скрывали свою радость, надеясь на его

смерть. У них для этого случая был «припасен» свой претендент на трон – князь Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат царя. В его пользу активно интриговала его мать Ефросинья, урожденная Хованская.

Боясь смерти Ивана IV, дьяк Иван Висковатый, человек умный и решительный, предложил царю привести к присяге царевича Дмитрия Старицкого и бояр. Однако большая группа влиятельных князей опасалась, что при малолетнем царевиче править будут родственники его матери – Захарьины и Юрьевы. Эти кланы готовы были в случае смерти царя расправиться с его сыном и родственниками царицы. Опасаясь этого, тяжело больной Иван IV просил своих близких бежать в крайнем случае за рубеж, чтобы спасти царевича.

Период этой болезни царя можно считать скоротечным смутным временем, совершенно определенно показавшим, каким образом могут в принципе развиваться события после его смерти. Призывая бояр к присяге, он произнес: «Я желаю, чтобы вы служили моему сыну Дмитрию, а не Захарьиным». Это был верный дипломатический ход. Большинство бояр присягу дали. К ним присоединился и Владимир Старицкий, несмотря на отговоры матери.



Поместная конница. Гравюра XVI в.

Заговорщики и смутьяны не решились выступить открыто. Один из них, князь Семен Лобанов-Ростовский признавался потом: «Когда Бог выказал милость к государю и даровал ему выздоровление, мы согласились держать все дело в тайне». Сам князь Семен, боясь разоблачения, решил бежать за границу и направил туда сначала сына, но тот был

пойман и возвращен, а князя присудили к казни, замененной высылкой.

Царевич Дмитрий прожил совсем недолго. Выздоровев, царь в мае – июне совершил паломничество в Кириллов монастырь и взял с собой супругу и сына. Но ребенок заболел и умер. Правда, через год царица родила второго сына, которого нарекли Иваном. Ему суждено было прожить 27 лет и умереть от руки отца.

Итак, Иван IV пережил три смутных периода: в детстве, при фактическом правлении бояр-олигархов; в юности, во время народного бунта при пожаре Москвы 1547 года; в молодости, в марте 1553 года, когда во время его болезни организовался заговор бояр-олигархов с целью провозгласить «своего» царя.

Неудивительно, что после всего этого он всерьез задумался о необходимости иметь надежную опору для своей власти, защиту от внешних и внутренних врагов, при ослаблении позиций недружественных бояр, отстаивавших свои клановые интересы.

Упомянутые выше «микросмуты» явились предвестниками Смуты великой. Это напоминает серии землетрясений или небольших выбросов, предшествующих крупным вулканическим извержениям. Они не опасны, но свидетельствует о том, что на некоторой глубине происходят опасные процессы, клокочет раскаленная лава, готовая вырваться наружу.

Любая грандиозная смута (включая, конечно, произошед-

шую в конце XX века) не обходится без подобных «предвестников».

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОЙ ПИРАМИДЫ

Сильное и прочное централизованное государство может существовать лишь при наличии устойчивой пирамиды власти, подобной природной, естественным образом сложившейся структуре, которую принято называть *экологической пирамидой*. Суть ее в том, что верхние слои питания, представленные разными видами, служат регуляторами численности нижних, а те в свою очередь обеспечивают существование верхних.

Наиболее успешно и долго экосистема действует в тех случаях, когда составляющие ее части разнообразны и организованы так, что нижележащий пласт примерно вдесятеро больше по биомассе, чем верхний. При этих условиях и относительной стабильности окружающей природной среды экосистема способна существовать десятки тысячелетий.

Для общества такая закономерность не обязательна. В примитивных социумах структура обычно достаточно проста, и нет большого разнообразия в социальных группах. Наиболее приближена к экологической пирамиде монархия, основанная преимущественно на сельском хозяйстве. Тогда выше слоя почвы (земли) идет пищевой пласт культивируемых растений и сельскохозяйственных животных. Над этими двумя пластами находятся крестьяне. Еще выше – слой

ремесленников, торговцев, военных (дворян). Над ними – крупные бояре, князья (олигархи), ближнее царское окружение и, на вершине, царь. Не случайно в древности монархии существовали столетиями. Порой возникали демократии (в Древней Греции, Риме), но они перерождались в империи.

Другое принципиальное отличие от экосистемы: для общества важное, а порой и решающее значение имеет психика, интеллект – духовные связи. Биологическая пирамида питания для него необходима, но недостаточна.

В прежние эпохи большую роль в общественной жизни играли религиозные институты и деятели. Церковная иерархия существенно дополняла приведенную выше схему социальной структуры общества. Кроме того, существовали представители искусств, инженеры, ученый люд (поначалу преимущественно в сфере церкви).

Взаимосвязи в общественной пирамиде значительно сложнее и прихотливее, чем в экологической. В природе самые тесные взаимосвязи имеют только два контактирующих «пищевых горизонта». Скажем, орел охотится на змей, но не на лягушек или насекомых.

В обществе иначе. Крестьяне, например, могут быть в подчинении и у мелких дворян, и у крупных олигархов, и у царя, а также оставаться свободными. В социальных слоях постоянно происходят взаимные переходы населения (в природе виды практически неизменны).

Вообще, когда мы говорим о структуре власти, то обыч-

но приходим к однозначным схемам. Например, монархия практически никогда не реализуется в чистом виде. Монарх вынужден делить власть с другими правящими группами. В феодальном обществе он имеет в подчинении (помимо своего личного владения) фактически только своих непосредственных вассалов, родовую аристократию, тогда как их вассалы – не его подчиненные. Это в наибольшей степени напоминает взаимосвязи в экологической пирамиде.

Какая же социальная структура сложилась в России в царствование Ивана IV? В простейшей схеме даже в том случае, когда у царя была группа приближенных (второй сверху слой), еще ниже, в «среднем» слое опора была очень слаба. Монархия не могла быть устойчивой и деятельной, способной противостоять сильным внешним врагам и внутренним смутам, без опоры на этот самый третий слой сверху.

Вряд ли Иван Грозный исходил из каких-то теоретических соображений. Как умный правитель, он по опыту знал, что его власть нуждается в серьезном укреплении. Как это сделать? В реальных условиях того времени такая перестройка социальной структуры требовала «революции сверху», и конечно же, насильственной.

Если вернуться в конкретную сферу – российское общество времен большой Смуты, то перемены в структуре управления обществом в схеме выглядят так. При Иване Грозном и его сыне исполнителями и советниками монарха были приближенные, которые в свою очередь опирались

(вместе с царем) на средний класс дворян-опричников. После угасания царского рода и правления Бориса Годунова господствующая верхняя группа, олицетворявшая государственную политику, была свергнута. К власти пришел «придавленный» до этого слой бояр. Наступила пора олигархического правления – Семибоярщина.



Русское посольство. По старинному рис. Костомарова

В Энциклопедическом словаре 1955 года (когда еще сохранялась крепкая государственная власть) о ней было сказано нелестно: «(1610-1612) период правления в Москве группы бояр (из 7 чел.), предавших национальные интере-

сы России. Свергнув Василия Шуйского, бояре в страхе перед крестьянским движением совершили измену и присягнули польскому королевичу Владиславу. В Москву был введен польский гарнизон, и власть фактически перешла к полякам...»

А вот БЭС 1998 года весьма сдержанно говорит о том же: «Боярское правительство (7 чел.) в России... Передало фактически власть польским интервентам...» О предательстве государственных интересов – ни слова. Почему? Потому что настали иные времена.

Любопытная и поучительная переключка веков. В ельцинской России власть, как известно, захватили олигархи. В книге американского историка и публициста Павла Хлебникова «Крестный отец Кремля Борис Березовский» приводится высказывание главного героя: «Чубайс хорошо исполняет приказания, которые дает ему хозяин. В свое время (начало 1996 года) он был нанят на работу теми, кого потом стали называть «семибанкирщиной» (Березовский, Потанин и другие олигархи, – поясняет автор). Это факт... А задача была простая: нам нужно было выиграть президентские выборы».

Выходит, и такое бывает правление: олигархически – президентское. А в стране, где главному правителю и его администрации принадлежит вся полнота власти, эту структуру вполне можно считать монархически – олигархической. При этом под прикрытием президента-монарха правят управля-

ющие им олигархи.

Вряд ли случайно возникло понятие «семибанкирщина». Аналогия с Семибоярщиной достаточно полная. Ведь для олигарха высшей ценностью является собственная мошна, капиталы (заключены ли они в землях, золоте, предприятиях, банках). Не случайно же при «семибанкирщине» национальные богатства СССР – России потекли мощным потоком за рубеж. Местные олигархи были в значительной мере ставленниками зарубежных господ, но в полной мере – расхитителями (в пользу иностранных держав и свою личную, своих сообщников) – общенародного достояния, включая природные ресурсы.

По приблизительным подсчетам во времена Горбачева – Ельцина из нашей страны было вывезено за рубеж ценностей на триллион долларов! Разве это не прямое предательство национальных интересов России?

Особенность «семибанкирщины» в России конца XX века в том, что она была выражена не столь очевидно, как в начале XVII века. Потому что во второй половине XX века стало актуально не «жизненное пространство» и не территории сами по себе, а тот доход, который они могли принести, прежде всего в плане минеральных ресурсов. Экологическая эксплуатация и связанная с ней экономическая, безусловно, стали приоритетными для всех крупных капиталистических государств. Им не только не нужно, но и хлопотно, опасно, невыгодно захватывать чужие земли.

Получается так, будто расхитители национальных богатств вовсе не предают Россию, а как бы продают природные ресурсы, только и всего. Такой нехитрый подлог (предательство под видом «продаательства») вполне удовлетворил тех, кто имели необоримое желание воспользоваться распродажей национальных богатств для личного обогащения.

Интересно, что уже раньше общественность была подготовлена к благосклонному отношению к предательству благодаря идеологической обработке: понятие «патриот» сумели опорочить и опозорить; «советский» стал «совком» или «красно-коричневым» (гнуснейший намек на сходство фашизма и коммунизма), СССР стали преподносить – по стопам геббельсовской и даллесовской пропаганды – как «империю зла»; Сталина – при котором советский народ постоянно улучшал свое благосостояние, увеличивался в числе и победил в неимоверно тяжелой войне, – стали проклипать, а Ельцина – при котором все шло буквально наоборот, народ стал беднеть и вымирать – провозгласили «отцом русской демократии».

«Семибанкирщина» оказалась несравненно губительней для державы (подлинная раковая опухоль!) по сравнению с Семибоярщиной. Почему? Возможно, за последние полвека русский народ в значительной мере переродился, духовно сильно изменился. Среди трудящихся стали преобладать служащие, наименее интеллектуально самостоятельный слой общества. Среди избирателей преобладающими стали жен-

щины, которые в массе своей значительно легче поддаются внушению, психологической и идеологической обработке, чем мужчины. Социализм выродился в партократию при господстве мещан не только по положению (горожан – большинство), но и по духу, по идеалам и устремлениям.

При Семибоярщине было иначе, даже, можно сказать, наоборот. Русские люди удивительно быстро поняли, что олигархи в прямом смысле продают их иностранцам, которые заинтересованы в развале страны и пользовании ее богатствами. При царе же была надежда на порядок и справедливость, на волю и нормальный труд.

Всего лишь за два года средние классы, казаки, крестьяне и купцы-патриоты (не забывавшие, возможно, о своей выгоде, но ставившие судьбу родины выше личных интересов), объединенными усилиями свергли власть олигархов и иностранцев, восстановив прежнюю монархическую структуру общества.

Совсем иным оказался «средний класс» в конце XX века. Он стал поддерживать те преступные начинания олигархов, которые вели страну к экономическому упадку, казну к разграблению, а большинство населения, включая множество представителей этого самого «среднего слоя», к обнищанию или к деградации. Не было нужды в вооруженных выступлениях, борьбе за свободу. Достаточно было выразить свое отношение к установившемуся режиму и осознать, куда он ведет страну и народ. Масштабы подобных протестов

были ничтожно малы.

Что это означает? То, что значительная часть современных россиян, в надежде на быстрое обогащение, сознательно, а точнее сказать, с помраченным сознанием пожертвовала родиной и собственным благосостоянием ради призрачных надежд на получение буржуазных материальных ценностей. Олигархам только того и надо было. Они быстро обзаводились этими самыми ценностями в неимоверном количестве, расчлняя страну, разваливая экономику, армию, науку... И в результате превратили великую сверхдержаву в третьеразрядное государство, погрязшее в долгах, с вымирающим населением, примерно половина которого имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Это не просто тревожный сигнал. Это – показатель небывалого бедствия народа, страны, культуры. Правление олигархов продолжается. Новый президент, избранный... все-таки народом, клялся – и не раз – в верности олигархам. Даже если это стратегический маневр, он не сулит ничего хорошего государству.

Заявления представителей «среднего класса» вроде того, что не то, мол, бывало в русской истории, ничего, обходилось! – вызывают недоумение. Ведь даже великая Смута начала XVII века или Гражданская война 1918-1921 годов продолжались очень недолго и последствия их не были столь разрушительными. Напротив, получалось в конце концов, что это были кризисы роста, раз уж держава не только вос-

становилась, но крепла и расширяла пределы своего влияния. А тут – все наоборот.

Впрочем, у нас еще будет возможность обдумать особенности большой Смуты в России конца XX века.

Хотелось бы еще раз напомнить высказывание К. Валишевского о «демократическом инстинкте» русского народа, проявившемся во время правления Ивана Грозного. Этот же инстинкт давал о себе знать и позже. Современная английская исследовательница М. Перри, анализируя образ Ивана Грозного в русском фольклоре, констатировала, что этот образ выглядит совсем не Ужасным, и высказала мысль об идее «народного монархизма», укоренившейся в России.

Действительно, крестьянство на Руси связывало свою волю (относительную, конечно) с монархией, справедливым царем, способным навести в стране порядок и укротить хищничество олигархов. В этом смысле монархия была в народном сознании созвучна «анархии» (тоже, конечно, не абсолютной). Самодержавная монархия, таким образом, становилась залогом относительной анархии в нижних социальных группах.

Как это ни странно звучит, но подлинный «демократический инстинкт» народных масс в России и тогда и позже был сопряжен с идеей монархо-анархизма или «народного монархизма» (царя – защитника крестьян). Этим можно объяснить, в частности, смуту Емельяна Пугачева, успех которого явно связан, помимо всего прочего, с русским монархо-анар-

хизмом. Тем более что такое государственное устройство было вполне естественным для общественного сознания той поры.

Однако устойчивой общественная пирамида может оставаться только в том случае, если приведены в соответствие все социальные слои, включая олигархический. Если учесть, что с развитием техники и технологий, изменением природной среды и внешнеполитической ситуации в обществе неизбежны социальные перемены, социальная пирамида не может оставаться неизменной, а стало быть, и невозможно определить какую-то идеальную форму государственного устройства, годную для любой страны, любого народа и любого исторического периода.

Даже в России конца Средневековья смута началась с угасанием правящей династии, а была преодолена благодаря не суровому единовластию монарха, а усилиям народных масс и их «демократической интуиции».

В период великой Смуты переплетение внутренних и внешних сил, материальных и духовных факторов достигло предела, сперва развалив, а затем и уничтожив государственную машину. Бояре-олигархи готовы были расчленить Московское царство и править в своих уделах, пусть даже и под патронажем иноземных государей.

За спасение Родины выступили неформальные общественные организации: рязанское дворянство, нижегородский посад и посады северных городов. Им помогло и

то немаловажное обстоятельство, что в многонациональной России начала XVII века отсутствовал национализм и национальный сепаратизм антирусского характера.

Вот яркий пример. Мусульманские старейшины Казани, в молодые годы сражавшиеся против войск Ивана Грозного, послали в 1611 году татарские конные отряды на помощь не польским интервентам, а Минину и Пожарскому.

Русская православная церковь того времени тоже была патриотичной, а не пыталась обеспечить себе материальные выгоды, пользуясь Смутой. Она не призывала смириться под гнетом олигархов и иностранцев. Проповеди священников и грамоты патриарха-патриота Гермогена призывали народ к сплочению во имя Родины.

Когда 22 августа 1612 года полки Пожарского вступили у Новодевичьего монастыря в излучине Москвы-реки в решающее сражение с поляками, их не поддержали казаки под руководством князя Трубецкого. На третий день сражения к казакам пришел монах Авраамий Палицын и убедил их вступить в сражение против иноземцев. Казаки вняли его доводам и призывам и вместе с войском Минина ударили по полякам. Исход сражения был решен, несмотря на то, что общая численность польской армии была больше (по некоторым подсчетам – в полтора раза), чем русской. Но русские сражались за свою свободу, свою родную землю, свое государство, и потому победили...

Впрочем, таким было завершение Смуты. А нас интере-

сует прежде всего она сама по себе, ее явные и тайные причины.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на важное обстоятельство, о котором почему-то редко вспоминают, тогда как оно могло в немалой степени содействовать наступлению Смуты: существенное истощение земельных ресурсов в ряде центральных районов, а в результате снижение урожайности, недороды и голодные годы.

Косвенно об этом упомянул С.Ф. Платонов, который так определил «главный недуг московской жизни» в правление Бориса Годунова: «Кризис землевладения в центре продолжался; поместные земли оставались без рабочей силы, и «тощета» служилых людей не уменьшалась; выход трудового народа на украины не стал меньше, и борьба за рабочие руки шла с большим ожесточением». Вынужденной мерой стала отмена Юрьева дня, в результате чего крестьянство ожесточилось.

И еще один тайный фактор, но относящийся уже к духовным опорам общества: странная смерть царевича Дмитрия, вызвавшая разноречивые толки и слухи, потрясшая народ и воздействовавшая на общественное сознание. Этим был в значительной степени предопределен успех самозванцев.

ЗЕМЛЯ, ВОЛЯ, ТЕРРОР

В XVI веке территория России увеличилась вдвое – до 5400 тысяч квадратных километров. Рост населения не был столь значительным. Это обстоятельство сказывалось на состоянии государства и вызывало противоречивые процессы.

Центральной власти на новых землях надо было налаживать административно-хозяйственную деятельность. Некоторые исследователи, а тем более политики, склонны рассматривать такую экспансию как проявление имперских устремлений. Да и страна со временем стала называться Российской империей. (Позже для СССР западная пропаганда использовала ярлык «империя зла», что помогло одержать победу в холодной войне и активно использовать в этих целях диссидентское движение разного толка.)

Однако такое расширение пределов державы вряд ли корректно называть имперским. Заселялись главным образом пустующие или малозаселенные территории. Происходила, можно сказать, диффузия населения – из мест с избытком людей – в места с их недостатком. При этом, в отличие, скажем, от имперской политики стран Запада, местное население не подавлялось и не истреблялось. Преобладало мирное естественное вращение русских в новую природную обстановку.

Метрополия мало обогащалась за счет приобретенных зе-

мель. Их требовалось осваивать, на что уходило немало сил и средств. Надо было организовывать там государственные структуры и держать воинские гарнизоны. Порой на окраинах государства, на новых присоединенных землях, жизнь была легче, свободней и богаче, чем в давно заселенных центральных областях.

Из-за быстрого расширения территории происходил не только естественный, но и дополнительный, излишний (с хозяйственно-государственных позиций) отток населения. У крестьян всегда был соблазн податься на новые земли.

Избыток земель приводил к «избытку» вольности.

Это, конечно, имело положительное значение не только для становления свободной личности. Свободные люди наиболее успешно осваивают новые земли, приспособляются к непривычным условиям, преодолевают трудности. Они наиболее активны и предприимчивы. Однако такие люди могут представлять немалую опасность для государственной власти, если она недостаточно сильна.

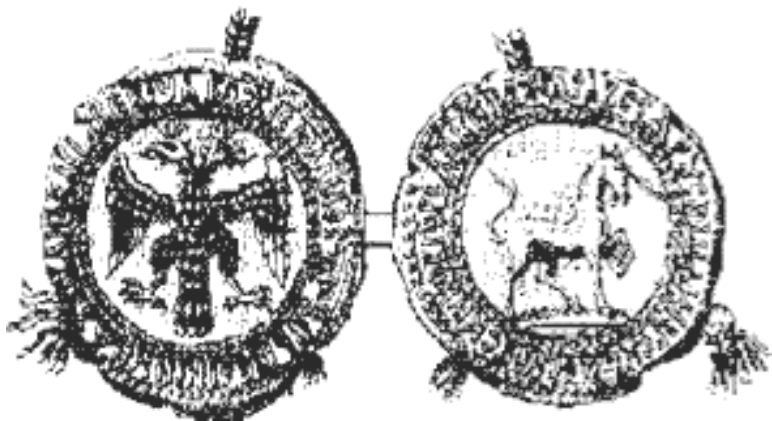
Русское население, сосредоточенное преимущественно севернее Оки, с середины XVI века стало распространяться на юг и на юго-восток, в черноземные районы Поволжья и степи (Дикого поля). Затем началось освоение Западной Сибири. В результате, например, согласно переписи 1582-1584 годов по новгородским землям, восемь из десяти селений оказались пустыми.

Царское правительство предпринимало меры для возвра-

щения беглых крестьян, но в этом не преуспело. На окраинах страны скапливалось все больше вольнолюбивого отчаянного народа. Для них одинаково чужды были и местные хозяева, и центральная власть. По этой причине очаги крестьянских восстаний, бунтов, смут находились по окраинам государства.

Для царя важно было заручиться поддержкой дворян, которых наделяли землями и селениями. Централизованное государство укреплялось за счет раздачи земель дворянам-помещикам, которые обязаны были нести военную или государеву службу.

Еще Иван III роздал в поместное владение почти половину вотчинных боярских и часть церковных земель. Так было обустроено более двух тысяч дворян. В некоторых районах помещичье землевладение стало преобладающим.



Государственная печать Ивана IV

Особенно интенсивно шел этот процесс во второй половине XVI века, когда Иван IV стремился максимально упрочить самодержавие. Пострадали прежде всего владельцы крупных вотчин, земли которых были отданы дворянам-опричникам как помещикам.

Боярам и княжатам было очень выгодно поддерживать церковное движение нестяжателей прежде всего потому, что тогда появлялась возможность конфискации и раздачи дворянам монастырских владений. Последователи Иосифа Волоцкого, напротив, протестовали против насильственного изъятия церковных земель, количество которых вообще-то было очень велико: почти треть всех сельскохозяйственных угодий.

В 1551 году был созван церковный собор, который получил название Стоглавого (он принял «Стоглав» – книгу русского православного законодательства). Собор подтвердил неотчуждаемость церковно-монастырских земельных владений, а также освобождение духовенства от юрисдикции государственных судов.

Был также подтвержден византийский принцип «симфонии» (в переводе с греческого – «созвучия») церкви и государства: «Человечество обладает двумя великими дарами Бога, данными ему через любовь Его к людям – священство и царство. Первый – направляет духовные потребности; второй – управляет и заботится о человеческих делах. Оба вытекают из одного источника».

Тем самым подчеркивалось некоторое ограничение царского самодержавия. Но Иван IV, имея толковых советчиков, не стал возражать против этого и пытаться поставить церковь под власть государства. В своем обращении к собору царь отметил: «Если вы не сумели по своему невниманию исправить отклонения от Божьей истины в наших христианских законах, вы должны будете ответить за это в судный день. Если я не согласен с вами (в ваших праведных решениях), вы должны меня увещевать; если я не смогу повиноваться вам, вы должны бесстрашно отлучить меня, с тем чтобы сохранить живыми мою душу и души моих подданных, а истинно православная вера стояла непоколебимо».

Царь укреплял свою власть не в противоборстве с церкв-

вью, подчиняя ее, а беря ее в свои союзники. Это была верная политика по предотвращению смуты.

Однако тот же собор принял некоторые решения, в последующем способствовавшие расколу и религиозной смуте. Нам сейчас нелегко представить, какое значение имело решение о способе соединения пальцев при крестном знамении: двоеперстие символизировало двойственную природу Христа, тогда как троеперстие символизировало Троицу.

Наконец, серьезные предпосылки для великой Смуты создала опричнина. Как мы знаем, бояр и княжат репрессировали или казнили, а имущество семьи отбирали. Царь пренебрег предостережением Макиавелли, которое отражало весьма распространенные нравы эпохи, когда богатство становилось высшей ценностью: государь «должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества».

Дворянство, обогащавшееся в опричнину, требовало повышения своего социального статуса. Им хотелось большего материального вознаграждения за государеву службу и повышений по чину. Если уж среди дворян было немало недовольных, то о боярах и говорить нечего: ведь это у них отбирал самодержец власть и богатства.

Террор опричнины держал в повиновении боярство. И подспудно в этой среде накапливался взрывоопасный заряд ненависти не только к конкретному государю, но и ко всей централизованной государственной власти. Приказно-бюро-

кратическая система (выражаясь современным языком) не превращалась в отлаженную и надежную государственную структуру для страны, давно переставшей быть собранием разрозненных земель и княжеств, но еще не сформировавшейся как единый цельный организм.

Кстати заметим, что гоббсовское сопоставление общества с организмом не исключает того, что в таком организме, если он достаточно крупный, должна быть твердая внутренняя опора в виде скелета, структуры преимущественно механического типа. Роль подобного скелета и призвана играть государственная, во многом бюрократическая и механическая система. Без нее крупный общественный организм распадается на части, теряет единое управление и координацию действий отдельных органов, частей тела.

Кроме того, конечно же, должны присутствовать и духовные скрепы, ибо речь идет об организме, состоящем не из безликих одноклеточных форм, а из очень сложно организованных, наделенных эмоциями, сознанием, интеллектом особей. В те времена, о которых идет речь, духовное единство формировала преимущественно религия, вера. Поэтому роль православной церкви в становлении и укреплении России как великой державы была особенно велика. Пожалуй, для русских тогда родиной была не столько родная земля, сколько традиционная православная вера.

Русский человек еще со времен подсечно-огневого земледелия привык к постоянным перемещениям. Ему прихо-

дилось осваивать новые территории на севере, востоке, юге. Любя землю-матушку, он все-таки поклонялся прежде всего Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, Животворящей Троице. Как показывает пример Афанасия Никитина, ходившего за три моря, русский человек умеет мирно жить с другими, даже очень непохожими на него людьми, в чужой стороне, но сохраняет при этом чувство своего достоинства, любовь к родине и православную веру.

Конечно, было бы нелепо считать, что все это характерно исключительно для русского рода-племени. В нем немало было и предателей, и криводушных, и вовсе неверующих в высокие ценности. Но в массе своей русский народ все-таки сохранял качества, упомянутые Афанасием Никитиным. Именно поэтому ему удалось в кратчайшие исторические сроки, без кровавых и жестоких завоеваний создать державу самую крупную на свете, да еще в очень непростых и разнообразных природных и демографических условиях.

Вот почему приходится признать верность суждения В.О. Ключевского о том, что в годы опричнины оказались расшатанными «духовные скрепы общества».

Укрепление централизованной власти путем террора позволяет создать крепкую механическую структуру под единым управлением. Но одновременно в общественном сознании, в духовной жизни общества наступает серьезный разлад. И неизвестно еще, что в результате окажется более важным.

В годы опричнины человеческая жизнь на Руси обесценилась. О соблюдении юридических норм, традиций, общественных правил не могло быть и речи. Христианская кровь проливалась с необычайной легкостью, порождая произвол, насилие и цинизм.

Современники, воспитанные в духе почитания православных обрядов, были потрясены, когда при опричном дворе Ивана Грозного церковные службы опричников-монахов во главе с игуменом-царем сменялись пьянством и сексуальными оргиями, похожими на сатанизм.

Никогда еще на Руси не было даже попыток посягнуть на жизнь главы Русской православной церкви. А митрополит Филипп в тверском Отрочьем монастыре был задушен Малютой Скуратовым подушкой по приказу Ивана Грозного.

В опричнину духовенство впервые подверглось массовым репрессиям. И повинны были в этом не антихристы, тем более не атеисты, а люди, причислявшие себя к православию, формально исповедующие человеколюбивую веру Христа.

Большинство деятелей Смуты прошло через горнило царствования Ивана Грозного. Тогда были посеяны семена, давшие затем страшную поросль: отступничество, клятвопреступления, жестокость, насилие. Общественный разлад, вызванный опричниной, не удалось преодолеть и незаурядному государственному деятелю Борису Годунову, который в свое время был опричным боярином царя Ивана IV. Ему пришлось продолжить опричную практику Ивана Грозного,

хотя и в новых, более мягких формах. Но дело, конечно, не столько в преемственности мероприятий, сколько в их объективном характере.

Поскольку историки и моралисты традиционно проклинают опричнину, может сложиться убеждение, будто не будь ее, не произошло бы и великой Смуты. Но попробуем поставить вопрос иначе: не будь жестокого подавления олигархов, что бы произошло с государством? Сохранило ли бы оно свою целостность? Не превратилось ли бы в лоскутное формирование, которое по частям расхватали бы хищные соседи?



Горожане на Руси. XVII в.

Лиходеи-опричники встречали порой серьезный отпор. Однако не произошло ни организованного восстания бояр и княжат, ни всенародного бунта. Несправедливая жестокость пробуждает ненависть и аналогичные ответные действия. Результатом массовых репрессий бывает либо ответная волна насилия, а значит, гражданская война, либо подавление народного гнева, духовный надлом общества, порабощение людей. В правление Ивана Грозного ни того, ни другого не

произошло. Будь народ подавлен и напуган, он продолжал бы и впредь оставаться в таком рабском состоянии. А ведь он и перетерпел опричнину и поднялся в критический момент против иноземного господства, можно сказать, за свое государство. Это никак нельзя назвать бунтом рабов.

Одно то, что самозванцы выступали под именами царей и царевичей, показывает, что у народных масс не было рабского отношения к идее единовластия, крепкой государственности (что в ту пору и олицетворяло самодержавие). В общественном сознании уже укоренились представления о сильной единой державе, противостоящей феодальной раздробленности и олигархической власти.

Опричнина была явлением объективным, а не следствием болезненного жестокосердия и подозрительности Ивана Грозного. Мы уже говорили о том, что террор опричников не шел ни в какое сравнение с теми кровавыми репрессиями, которые в те времена захлестнули Западную Европу. По сравнению с западноевропейскими государями Иван IV мог бы считаться милосердным.

Было бы наивным утверждение, что всеевропейский кризис феодальной системы, крупнейшие социальные переустройства и переоценка моральных ценностей могли бы проходить мирно и гладко, без серьезных потрясений и кровавых конфликтов. Этого не было ни в одной крупной стране, а значит, и не могло быть нигде, в том числе и в России. Общественный организм болезненно переносит любые значи-

тельные перестройки. Они чреваты кризисами.

Можно вспомнить, что в 1524-1525 годах в Германии бушевала Крестьянская война, действительно народная, направленная против власти феодалов и духовенства. Восставшие выступали за установление императорской власти и объединение мелких германских княжеств. Однако объединились именно германские князья-олигархи, жесточайшим образом подавившие восстание. Считается, что в недолгий период этой войны погибло около 100 тысяч человек.

Ивану Грозному удалось избежать такого поворота событий. И вовсе не потому, что крестьянин на Руси был больше закабален, чем в германских княжествах. Скорее наоборот, на Руси было несравненно больше вольных людей и население было в значительной степени «текучим» или, как образно и с немалым преувеличением выразился С.М. Соловьев, находилось «в жидком состоянии». Если бы опричнина вылилась в террор против народа, то в России уже тогда события могли бы развиваться по «германскому варианту», то есть вылиться в крестьянскую войну. Этого не произошло. Стало быть, в народе, несмотря на творимые жестокости и злоупотребления центральной власти, не сложилось мнения о наступлении на его права.



Крестьянки на Руси

Авторитетный исследователь Смутного времени С.Ф. Платонов подчеркивал, что уже в юные годы Иван Грозный убедился в постоянстве притязаний олигархов на власть. Даже в кружке приближенных к нему просвещенных аристократов это проявлялось в полной мере: они стали укреплять и расширять свои вотчины.

«Испытав на себе воздействие приближенных им неосторожно княжат, – писал С.Ф. Платонов, – Грозный остро почувствовал желание освободить власть государя от всего того, что ей мешало со стороны аристократии, – во-первых, от постоянных местнических притязаний княжат, во-вторых,

от княженицких вотчин, которые еще оставались в руках у князей. Средство для этого Грозный нашел в изобретенной им «опричнине»...

В течение двадцати лет (1565-1584) опричнина охватила половину государства и разорила все удельные гнезда, сокрушив княжеское землевладение и разорвав связь удельных «владык» с их родовыми территориями».

Возможно, благодаря таким крутым мерам удалось предотвратить более тяжелые последствия для страны и народа.

Снова вспомним, с какими огромными жертвами проходили более или менее сходные процессы в европейских странах. В России же, во-первых, число жертв было сравнительно невелико, а стало быть и террор не столь ужасный, как на Западе. Во-вторых, на Руси и сам государь-тиран и народ относились к жестокостям крайне отрицательно. И когда мы говорим о диких оргиях Ивана Грозного и опричников, надо иметь в виду риторический вопрос: а не было ли это стремлением заглушить укоры совести?

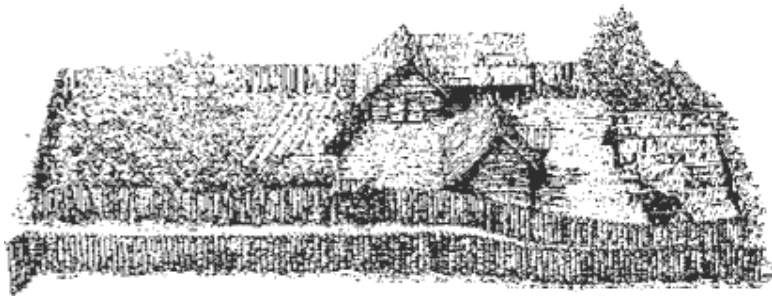
Никоим образом не оправдывая жестокостей Ивана Грозного, следует учитывать, что описания изощренных и ужасных его преступлений были даны почти исключительно его недругами или лицами, заинтересованными ради политических целей обличать его даже в том, в чем он не был виновен, и преувеличивать число жертв.

Можно возразить: сторонники Грозного – тоже лица за-

интересованные, а подвластные ему люди не имели возможности говорить правду под угрозой пыток и смертной казни. Так что приходится обращаться к свидетельствам иностранцев и тех, кто бежал от деспота за рубеж.

Однако есть свидетельства, по которым можно судить, как относились к царствованию Ивана Грозного простые люди. Это – народные предания. Они не являются историческим документом в юридическом и сугубо научном смысле. Но определенно показывают, какой образ Грозного царя сохранила народная молва.

В одной сказке Иван представлен крепостным человеком, а выбор нового царя – «демократической» процедурой: все идут к реке со свечками и опускают их в воду, а у кого после этого она загорится, тот и царь. (Избранник не по людской, а по высшей воле.) Барин обещал Ивану, если станет царем, вольную ему дать. Иван в ответ сказал, что коли в цари угодит – барину голову отрубит. Свеча загорелась у Ивана, стал он царем, да и выполнил свое обещание: срубил барину голову. За это и прозвали его Грозным.



Усадьба московского ремесленника XVI в. (Реконструкция)

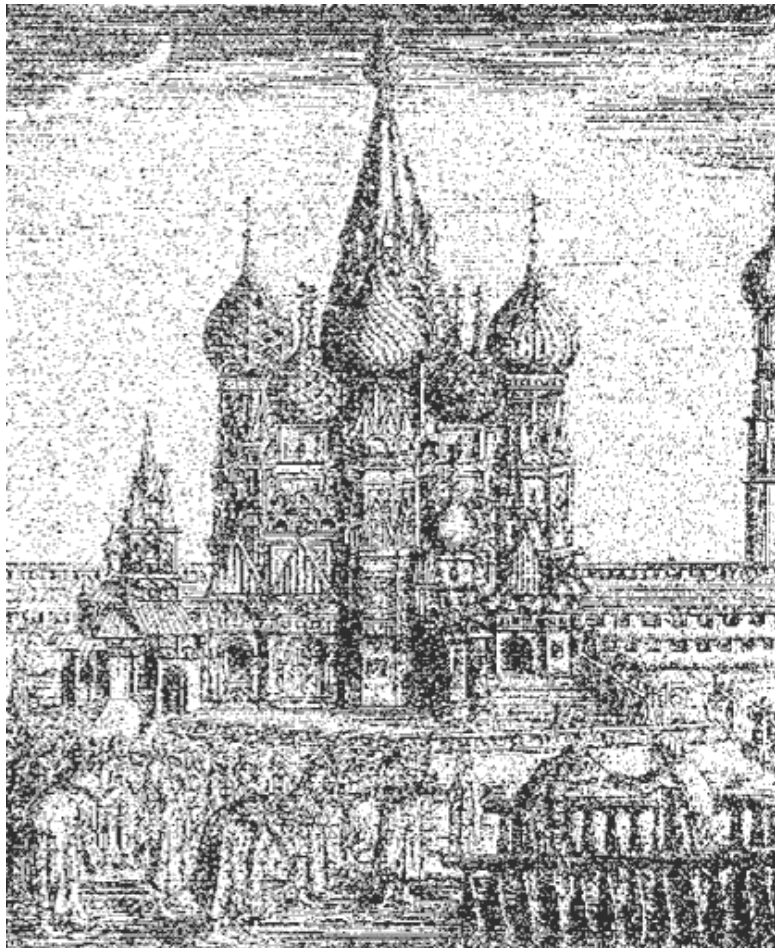
В другой сказке Грозный царь велит палачу сечь реку Волгу кнутом за то, что она не давала переправиться его православному войску. После трех жестоких ударов присмирела Волга.

Существовало сказание и о том, как царь Иван Грозный «хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему и лгали». Разозлился царь, велел виноватых казнить. Восстали против него бояре, и пришлось ему покинуть дворец, попрощаться с народом, да и отправиться куда глаза глядят. А в лесу одна березка признала его и поклонилась три раза. Заплакал царь, рассердился на бояр, вернулся в Москву и «перекрушил бояр, словно мух».

Конечно, подобные сказки отражают мечту народа о справедливом царе, оберегающем простой люд от боярского самоуправства олигархов. Но характерно то, что такой царь

представлен как Грозный, а не кто иной. Народ сознавал, что только суровые меры способны «образумить» зарвавшихся удельных владык. Об этом свидетельствовал не какой-то краткий исторический отрезок, а многовековой народный опыт.

На этот счет есть верное, на наш взгляд, высказывание К. Валишевского: «Если нравы эпохи оправдывали жестокости на Западе, то же приложимо и к Ивану. Курбский, задавший тон хулителям царя, был заинтересованной стороной в этом деле. Он был представителем непокорного меньшинства. Масса же выражала свое настроение при помощи поэтического народного творчества... Народ не только терпел Ивана, но восхищался им и любил его. Из толпы его сотрудников он удержал только два имени – Никиты Романовича Захарьина и палача Малюты Скуратова. История мало знает о первом. Брат царицы Анастасии... умел жить. Легенда сделала из него героя, изобразив его отказывающимся от милостей царя и заботящимся об установлении более мягких законов для народа. Та же легенда отдает предпочтение Малюте Скуратову как истребителю бояр и князей».



Храм Василия Блаженного. Гравюра XVII в.

Действительно, в этих двух образах воплотилась и надежда на более благополучную жизнь (что, надо заметить, не оправдалось), и признание неизбежности жестоких мер, которые позволят избавить народ от гнета местных владык.

«Этот демократический инстинкт, — пишет Валишевский, — властно обнаруживается во всех воплощениях народного слова и раскрывает нам тайну опричнины, ее идею и легкость, с которой Грозный навязал ее одним и вызвал сочувствие большинства».

Если бы опричнина вызвала глубокое возмущение значительной части населения, то она бы не продержалась, и царь, организовавший ее, остался бы в памяти народной как злодей и кровопийца.

В этой связи приходит на ум давно известная аналогия: Иван Грозный — Иосиф Сталин. Вопрос все тот же: почему не убили Сталина в 1930-е годы? Сделать это не представляло большого труда: либо организовать покушение, либо — кому-то из его приближенных-врагов, резонно опасавшихся за собственную жизнь, — прикончить его лично. Ведь к этому призывал, в частности, Лев Троцкий: «Убить тирана!»

Почему же никто на Руси, а затем в СССР не решился повторить подвиг Брута и других тираноубийц? Прежде всего вопрос: корректно ли называть этих правителей тиранами? Разве они не были законными — каждый для своего времени и своего государства — представителями верховной власти? Оба они осуществляли террор. Но кто был терроризирован?

Прежде всего и почти исключительно представители высших слоев социальной пирамиды. Только этим можно объяснить то, что память в народе об этих грозных правителях очень уважительная.

Общественное мнение среди образованных масс формируют представители привилегированных групп – тех самых, которых терроризировали эти государственные деятели. Народное мнение обычно во внимание не принимается.

Но в том случае, когда требуется совершить убийство правителя, который пользуется большим авторитетом в народе, приходится с этим считаться. Потому что тогда почти наверняка убийца сам будет убит, и вместо славы тираноборца он удостоится клички цареубийцы или убийцы любимого народом вождя. Но важно еще и то, что «убрать тирана» надо было не ради освобождения народа, ради высокой идеи, за которую можно голову положить, а для захвата власти, что имеет смысл только если ты сам воспользуешься этой властью.

Это не означает, будто введение опричнины народ приветствовал и она облегчала его существование. Нет, к ней относились как к злу, хотя и неизбежному; к злу, в значительной степени необходимому, как хирургическая операция. Можно согласиться с мнением С.Ф. Платонова: «Направленная против знати, она (опричнина. – *Авт.*) тяготела над всем населением; имея целью укрепление государственного единства и верховной власти, она расстраивала обще-

ственный порядок и сеяла общее недовольство». Насчет общего недовольства сказано слишком огульно: нетрудно догадаться, что в государстве было немало людей, относившихся к происходящим переменам вполне положительно («партия» опричников, например).

«Сама суть производимой реформы – превращение крупной и льготной формы землевладения в форму мелкопоместную и обусловленную службой и повинностями – должна была вызвать недовольство населения», – утверждал Платонов. Можно возразить: «должна была», да не вызвала. И какого населения недовольство? Разные его группы относились к происходящему по-своему. В народе, во всяком случае, массовых протестов не возникло.

Менее спорно другое высказывание Платонова: «Реформа сопровождалась террором. Опалы, ссылки и казни заподозренных в измене княжат и иных людей, вопиющие насилия опричников над «изменниками», кровожадная злоба и распутство самого Грозного пугали и озлобляли народ. Он видел в опричнине непонятный и ненужный террор и не угадывал ее основной политической цели, которой правительство открыто не объясняло».

Все, что касается народа, здесь истолковано (а мнение это Платонова едва ли не общепринято) без учета той давней исторической реальности, когда к казням, даже массовым, относились как к явлению обыденному. Судя по народным же преданиям и по тому факту, что массовых народных вы-

ступлений против Грозного не было, народ не был озлоблен.

Наконец, то, что народ был не в состоянии понять действия

Грозного, – всего лишь догадка историка, основанная на принятом в интеллигентских кругах отношении к умственным возможностям «простого люда». Отношение катастрофически ошибочное. Это доказывают события XX века в России, когда народные массы проявляли больше здравого смысла и понимания государственных интересов, чем едва ли не большинство представителей интеллигенции. Не потому, что интеллигенты, «пролетарии умственного труда» слишком глупы, конечно, а потому, что они слишком ограничены интересами или корпоративными, или идеально-гуманистическими, или и вовсе теоретическими. Представления о реальной ситуации среди народных масс у них самые туманные, если не искаженные за отсутствием соответствующего жизненного опыта, из-за давней оторванности от жизни – в особенности духовной – этих самых масс. Исключение составляли великие русские писатели XIX века.

Еще раз повторим: мы не утверждаем, будто опричнина одобрялась русским народом и шла ему на пользу. Нет, конечно, не выиграл народ и даже больше натерпелся от нее, чем выгадал. Но из этого еще не следует, что простой люд был напуган и озлоблен. Тем более что негативные последствия опричнины для народа сказались не сразу, а через определенное время. В таких случаях люди (во все века и во

всех странах) обычно теряют связь между причиной и следствиями.

Показательно высказывание С.Ф. Платонова: «Не успел Иван Грозный закрыть глаза, как в самую минуту его кончины Москва уже бурлила в открытом междоусобии по поводу того, быть вперед опричнине или не быть, а княжата, подавленные железною пятою тирана, уже поднимали голову и обдумывали способы своего возвращения к власти».

Из этого следует, что несмотря на террор, подавление противников сильной государственной власти не было радикальным. Своим террором Грозный, значит, сдержал и подавил на время этот процесс. Не случайно же при нем Смута не начиналась. Но вряд ли можно усомниться, что она подготавливалась опричниной в аспекте морально-нравственном.

Например, множество барских холопов (сыто живших рабов) отпускалось на волю. Часто нарушалось крестьянское самоуправление в крупных вотчинах, что вызывало отток недовольных на вольные промыслы или на иные земли. Все это готовило почву для бунтарства и смут. Укрепление единовластия сопровождалось, по-видимому, увеличением и безвластия (там, где было искоренено господство олигархов).

Создание нового общественного слоя – дворянства – проходило болезненно и противоречиво.

Глава 3

ВСЕОБЩАЯ СМУТА

*Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...*

*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!*

Федор Тютчев

ВРЕМЯ КРИЗИСОВ

Смутное время на Руси в начале XVII столетия не было сугубо национальным явлением, пресловутым, беспощадным и ужасным русским бунтом. Напротив, оно выглядит типичным вариантом «всеобщего кризиса XVII века», как выразился видный английский историк Х. Тревор-Роупер.

Кризис выразился в восстаниях и гражданских войнах, бушевавших почти синхронно в целом ряде европейских стран. Только в отличие от предыдущего столетия, процесс

начался не в Германии, а на Руси, распространяясь с востока на запад.

На ситуации в России сказалось несколько факторов, и в частности интервенция с Запада. А в Западной Европе значительную роль играла религиозная смута: серьезнейший кризис католической церкви и христианского мировоззрения вообще.

Реформация вызвала ответную волну Контрреформации. В Германии стараниями иезуитов началась поножовщина между Унией протестантских князей и Лигой их католических коллег. Во Франции разразилась Фронда. Словно завершающая вспышка, грянула Английская революция 1640 года.

Во всех этих событиях было и нечто общее, один из важных факторов смуты, впервые проявившийся на российских просторах: яростное наступление Ватикана, его стремление компенсировать потери, нанесенные Реформацией. На Востоке к этому примешивалась и славянофобия. Она началась на Руси, перекинулась на Украину и Белоруссию, разразившись кровавой драмой чешского народа у Белой Горы, где переплелись социальный протест с борьбой за национальную и религиозную независимость.

Особенности российской Смуты проявились отчасти в некоторых спорных и не выясненных до конца вопросах истории того периода.

Общий социальный фон достаточно ясен: на Руси за-

вершался расцвет Московского сословно-представительского государства, где великий князь в определенной степени, иногда – в очень значительной, делил свою власть с Боярской думой, удельными князьями, а с 1549 года – с Земскими соборами.

«Опираясь на опричнину и дворян, – пишет известный историк этого периода Р.Г. Скрынников, – Иван IV попытался избавиться от опеки Боярской думы и ввести самодержавную систему управления. Могущество знати было поколеблено, но не сломлено опричниной. Знать ждала своего часа. Этот час пришел, едва настало Смутное время».

Вопрос, конечно, не только в том, что царя Ивана слишком сильно тяготила опека Боярской думы. Это лишь частная и вряд ли очень важная причина. Более веские обстоятельства назвал тот же Скрынников:

«Дробление древних боярских вотчин сопровождалось увеличением численности феодального сословия и одновременно резким ухудшением материального положения его низших слоев. Подле знати, владевшей крупными земельными богатствами, появился слой измельчавших землевладельцев – детей боярских. Кризис феодального сословия был преодолен благодаря созданию на рубеже XV – XVI веков поместной системы. Ее развитие открыло мелким служилым людям путь к земельному обогащению и способствовало формированию дворянства, значительно усилившего свои позиции в XVI веке...



Московский Кремль и Москва начала XVII в.

К началу XVII века поместье подверглось такому же дроблению, как и боярские вотчины в XV веке. Численность феодалов вновь увеличилась, тогда как фонды поместных земель остались прежними. На этот раз кризис приобрел более глубокий характер. Низкие и наиболее многочисленные прослойки поместного дворянства оказались затронутыми процессом социальной деградации». Положение дворян ухудшилось. Многие из них почти полностью обнищали и вынуждены были сами обрабатывать землю. Но представители этого сословия были преимущественно разобщены и не

представляли силу, способную спровоцировать Смуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.